

АРХИВ БЕЗ ВЫХОДА



ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Архив без выхода

<https://litres.ru/74349037>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Вереске общество раз в поколение выносит из Архива один заверенный Свод — единственную версию прошлого, по которой назначают виновных, компенсации и гражданские права. Девятнадцатилетняя реставраторка Лея Варн входит в перестраиваемые залы, чтобы доказать невиновность матери в пожаре квартала Лъна.

Каждое восстановленное свидетельство меняет маршруты Архива, а за право вынести фрагмент приходится платить собственной памятью. Но опаснее находок становится профессиональный шов, знакомый Лее: официальный рассказ о пожаре собран техникой, которой она сама владела подростком. Чтобы установить случившееся, команде придётся сохранить несовместимые показания, не превратить пробелы в ложь и не отдать чужую жизнь во власть удобного вывода.

Можно ли защитить город от подделок и мести, не назначая одну правду победителем? И найдётся ли выход из Архива для тех, кто отказывается обменять право на память на безупречную версию прошлого?

Содержание

От автора	4
Пустое место на плёнке	6
Глава 2. Семь функций	21
Зал, который помнит вопрос	36
Цена копии	49
Две даты пожара	60
Чужой голос Леи	74
Карта доверия	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Влад Велирский

Архив без выхода

От автора

Память редко приходит к нам в виде аккуратного документа. Она меняет освещение, путает порядок слов, сохраняет не тот жест и иногда защищает человека пробелом. Но решения о вине, долге и праве на будущее требуют гораздо более твёрдого основания. Между живым воспоминанием и общественным доказательством возникает пространство, где особенно легко принять удобную цельность за правду.

«Архив без выхода» — история об этом пространстве. Её герои работают не с абстрактным прошлым: каждый восстановленный фрагмент меняет доступные дороги, имена в реестрах и судьбы людей за стенами Архива. Они умеют проверять свидетельства, находить монтаж и строить причинные цепи. Гораздо труднее им признать, что безупречная цепь тоже может быть несправедливой, если её цельность оплачена чужим молчанием.

В этой книге нет простой противоположности между памятью и ложью. Искренний свидетель может ошибаться. Строгая проверка может спасти от мести и подделок. Противоречие не всегда означает, что одна сторона должна ис-

чезнуть. Поэтому важнейший вопрос здесь не только в том, что произошло, но и в том, кто получил право назначить единственную допустимую версию произошедшего.

Архив будет перестраиваться вместе с ответами героев. Чтобы выбраться из него, им придётся искать не тайный коридор, а способ оставить видимыми швы — границы знания, цену изъятия и память тех, кому официальная правда не оставила места.

Пустое место на плёнке

До пожара оставалось одиннадцать секунд, и именно поэтому Лея поняла, что запись лжёт.

На восстановительном столе квартал Льна был размером с ладонь. Серые крыши теснились под стеклом, дым ещё не поднялся, люди на площади перед водосборной двигались мелкими светлыми росчерками. Если наклонить голову, можно было различить женщину с корзиной, мальчика на ограде и двух ремонтников у западной стены. Через одиннадцать секунд стена должна была вспыхнуть белым, а ещё через три — погаснуть вместе со всем кварталом.

Лея знала эту последовательность лучше собственного детства.

Она поставила локти на край стола и снова провела запись через тонкую гребёнку спектров. В комнате пахло нагретой медью, клеем из водорослей и пылью старых носителей. За матовым окном уже включили утренние фонари, хотя городское небо оставалось светлым. В мастерской было тихо: мастер Кев пересчитывал листы допуска в соседней комнате, остальные ученики ушли относить готовые копии в Палату мер.

На девятой секунде женщина с корзиной повернула голову.

На десятой её платок дёрнулся от ветра.

Между десятой и одиннадцатой не произошло ничего.

Так утверждал глаз. Рука Леи утверждала другое.

Она остановила барабан, сняла перчатку и едва коснулась ногтем края прозрачной ленты. Шов не возвышался над поверхностью. Он был сделан слишком хорошо — без напыва, без смены зерна, без обычного синего отблеска закрепителя. Но под подушечкой пальца тепло проходило иначе: короткий прохладный участок, не длиннее ресницы.

Лея отдернула руку. Прикосновение к государственному оригиналу голой кожей стоило ученику допуска. Иногда — места в ремесле.

Она снова надела перчатку и включила запись на четверть скорости. Женщина повернула голову. Платок поднялся. На западной стене ремонтник занёс молоток. В следующем кадре молоток оказался ниже, хотя рука ещё не успела описать дугу.

Не пропуск кадра. Пропуск причины.

— Мастер Кев, — позвала Лея.

Ответа не было. Из соседней комнаты донёсся скрип пера.

Она могла промолчать. От неё требовалось не проверять подлинник, а снять копию к годовщине пожара: чистую, устойчивую, пригодную для школьных залов памяти. К полудню носитель должны были опечатать и отправить в Архив Сводов, где через три дня начиналась экспедиция Великого Свода. После этого ни одна городская мастерская не получила бы к нему доступа ещё двадцать пять лет.

Лея посмотрела на тёмное стекло стены. В отражении её лицо лежало поверх крошечного квартала. Такая же узкая линия рта, как у матери на последнем судебном рисунке. Те же тяжёлые веки. Когда в мастерской узнавали фамилию Леи, люди старались не смотреть долго. Варн. Фамилия женщины у аварийного рубильника. Фамилия, которой в учебниках сопровождали число погибших.

Одиннадцать секунд до пожара.

Лея отодвинула рукав и приложила к столу ученическую печать.

Прибор мигнул жёлтым.

— Запрос операции, — произнесла она. — Сравнительное натяжение основы. Участок девять сорок — одиннадцать ровно.

— Ученический доступ, — ответил стол. — Требуется печать мастера.

— Причина: подозрение на скрытый реставрационный шов.

Жёлтый свет погас. Вместо него вдоль края стола загорелась красная линия.

— Операция внесена в журнал нарушений. Не изменяйте положение носителя.

Мастер Кев появился в дверях почти сразу, будто красный свет вытолкнул его из соседней комнаты. Он был невысок, сух и всегда держал левую ладонь прижатой к жилету, даже когда сердился. Сейчас в правой руке у него осталось перо.

— Что ты сделала?

— Ничего с носителем. Запросила натяжение.

— Я вижу, что запросила. Зачем?

Лея указала на остановленную фигуру ремонтника.

— У него молоток перескакивает через середину движения.

— Старый сенсор. Потеря темпа.

— Нет изменения зерна.

— Тогда дрожание основы.

— Основа холоднее на участке.

Кев посмотрел сначала на неё, потом на перчатку. Лея слишком поздно сжала пальцы.

— Ты касалась подлинника?

— Через поле стола.

— Я спросил не это.

— Касалась.

Он закрыл глаза. Не от ярости — ярость была бы легче. Так он закрывал их, когда считал стоимость чужой ошибки.

— За тобой и без того наблюдает Палата, Лея. Я поручился, что ты различаешь ремесло и семейную одержимость.

— Шов от этого не исчезает.

— Если он существует.

— Вы учили: хороший монтаж ищут не по тому, что добавлено, а по тому, чего больше не требуется объяснять.

— Я учил тебя реставрировать свидетельства, а не произносить мои фразы против меня.

Кев подошёл к столу. Под его печатью красная линия стала белой, затем разошлась на две нити. Запись растянулась: не изображение, а сама последовательность её внутренних напряжений. Каждый миг держался за следующий тысячами тонких связей. Большинство светилось ровно. Между десятой и одиннадцатой секундами связи были прямыми, чистыми и почти одинаковыми.

Слишком одинаковыми.

Кев перестал прижимать ладонь к жилету.

— Увеличить, — сказал он.

Стол поднял участок над стеклом. Внутри прозрачной полосы проявился частокол микроскопических насечек. По краям они расходились случайно, как трещины во льду. В середине стояли параллельно.

Лея почувствовала не торжество, а резкий голод, будто весь день ничего не ела.

— Ручная сшивка? — спросила она.

— Нет. При ручной остались бы якоря. — Кев наклонился так низко, что его дыхание затуманило защитное поле. — Авторский ключ. Тот, кто сшивал, работал изнутри собственного воспоминания. Удалённый фрагмент согласился с заменой.

— В официальном заключении нет удаления.

— Значит, мы ещё ничего не знаем.

Он выпрямился и провёл печатью над столом. Белые нити схлопнулись. Запись исчезла под непрозрачным защитным

слоем.

— Вы же видели.

— Видел признак вмешательства. Не его содержание, не время и не законность. Сейчас ты выйдешь из комнаты и забудешь, что видела его.

— Через три дня носитель уйдёт в Великий Свод.

— Поэтому особенно забудешь.

— Его используют как опорное свидетельство пожара.

— Его используют как одно из тысяч.

Лея знала этот оборот. Одно из тысяч означало: недостаточное, чтобы изменить Свод, и вполне достаточное, чтобы Свод считался проверенным.

— Если опора смонтирована, — сказала она, — всё, что с ней согласуется, будет выглядеть независимым.

— А если изъятие было законным, ты сорвёшь передачу носителя, поставишь под сомнение работу Палаты и подаришь кварталу ещё один год слухов. Ты представляешь, сколько ложных обвинений появилось после Войны свидетельств из одного плохо описанного шва?

— Это не плохо описанный шов.

— Именно так скажет каждый, кому не нравится вывод.

Кев снял с пояса футляр, вложил туда свою печать и защёлкнул обе скобы. Теперь открыть запись мог только государственный хранитель.

— Копирование отменяется. Я сам составлю уведомление.

— Какое?

— О возможном дефекте основы.

— Дефект не оставляет параллельных насечек.

— Формулировку выбираю я.

— Потому что вы мне не верите?

— Потому что верю достаточно, чтобы не позволить тебе уничтожить себя первой же точной догадкой.

Он взял носитель со стола. В защитном футляре квартал Ляна превратился в мутное пятно.

— До решения Палаты ты отстранена от подлинников. Сдай перчатки и ученическую печать.

У Леи на миг ослабли колени. Три года она просыпалась до первого звона, чистила чужие инструменты, училась различать старый страх и позднее объяснение по плотности смыслового следа. Ещё два месяца — и Кев должен был подписать её допуск. Без допуска она могла работать разве что в дешёвых комнатах семейной памяти, где умершим приглашали лица и вырезали неудобные паузы к поминальным дням.

Она сняла перчатки. Положила печать рядом.

— Вы отправите уведомление до передачи?

— Да.

— С упоминанием авторского ключа?

Кев помедлил.

— С достаточным основанием для осмотра.

Это означало «нет». Осмотр дефекта проведёт приёмщик,

проверит целостность основы и вернёт носитель в поток. Авторский ключ потребовал бы расследования, задержки Свода и имени того, кто обнаружил вмешательство. Имени Варн.

Лея надела пальто.

— Ты пойдёшь домой, — сказал Кев. — Не в Палату, не к газетным ступеням и не к семьям Лъна.

— Конечно.

Он впервые посмотрел ей прямо в лицо.

— Когда ты так отвечаешь, я слышу твою мать.

— Вы её знали?

Кев затянул ремень футляра.

— Я знал дело.

— Это не одно и то же.

— Вот именно.

На улице Лея простояла под навесом до тех пор, пока Кев не вышел из мастерской. Он нёс футляр под полый плаща и направился к верхнему мосту — туда, где располагалось окружное отделение Палаты. Лея пошла в противоположную сторону.

На первом перекрёстке она свернула.

Город Вереск готовился к Изъятию. На стенах висели белые полотнища с пустым кругом — знаком версии, которая ещё не выбрана. Торговцы продавали дешёвые карточки, обещавшие место для записи «вашей семейной правды», хотя обычные семейные памяти в Великий Свод не принимали. На площади рабочие собирали помост: через четыре

дня хранитель Арден Сой должен был назвать состав экспедиции, а через месяц — предъявить городу единственный вынесенный Свод.

Лея обогнула помост и вошла в Дом перечней.

Здесь не хранили память. Здесь хранили право к ней приблизиться. Стены были заставлены узкими шкафами, в каждом лежали заявления, отказы, свидетельства о пригодности и долговые поручительства. За стойками сидели чиновники в серых нарукавниках. Очередь тянулась до двери.

Лея достала из кармана сложенный лист. Заявление она написала два месяца назад и всё это время носила с собой, убеждая себя, что ждёт подходящего дня. Великий Свод набирал семь специалистов. Место реставратора уже обещали кому-то из старших мастеров; ученикам подаваться не запрещали лишь потому, что никто не ожидал от них такой глупости.

В графе «личная заинтересованность» Лея написала: дочь Миры Варн, признанной ответственной за отключение квартала Лья.

Она подошла к окну номер шесть.

— Приём в экспедицию закрыт вчера, — сказала чиновница, не поднимая глаз.

— Дополнительное свидетельство о профессиональной пригодности.

— Тогда к заявлению нужна печать мастера.

— Печать будет отозвана.

Чиновница подняла голову.

— Значит, пригодность не подтверждена.

— Она отозвана потому, что я обнаружила вмешательство в опорную запись Свода.

Люди в очереди притихли не сразу. Сначала замолчал мужчина за Леей, потом женщина у соседнего окна, а затем тишина побежала к двери быстрее любого слуха.

Чиновница медленно положила ладонь на лист.

— Повторите.

— В записи пожара квартала Льна есть скрытый шов, выполненный авторским ключом. Между десятой и одиннадцатой секундами перед возгоранием удалена причинная связь.

— У вас есть копия?

— Копирование остановлено.

— Заключение мастера?

— Он подаст уведомление о дефекте основы.

— Тогда вы заявляете больше, чем ваш руководитель.

— Да.

Чиновница оглянулась на закрытую дверь позади себя. Над ней горел тот же пустой круг, что на городских полотнищах.

— Имя?

— Лея Варн.

Теперь тишина стала полной.

Мужчина позади отступил на полшага. Кто-то у двери шепнул: «дочь». Лея удержала руки на стойке. Если спрятать

их, все увидят страх. Если сжать кулаки — вызов.

Чиновница прочла заявление до конца.

— Вы понимаете, что заведомо ложное сообщение об опорном свидетельстве лишает права работать с общественной памятью?

— Понимаю.

— А раскрытие признаков закрытого носителя до решения Палаты — нарушение режима?

— Я не раскрыла содержание. Только способ вмешательства.

— Это будет решать не окно номер шесть.

Она нажала кнопку под стойкой. Лея ожидала стражу, но из задней двери вышел высокий мужчина в дорожном сером плаще. На его воротнике не было знаков Палаты, только семь коротких стежков тёмной нитью. Семь функций экспедиции.

Он подошёл без спешки. Его лицо Лея видела на городских экранах, но там хранитель Арден Сой казался старше и неподвижнее. Вблизи у него были красные от недосыпа глаза и тонкий свежий порез на подбородке.

— Вы сказали «авторский ключ»? — спросил он.

— Да.

— Откуда ученица знает его след?

— Из закрытого приложения к наставлению по добровольным изъятиям.

— Ученикам приложение не выдают.

— Мастер Кев заставлял меня переплетать старые настав-

ления. Он не заставлял читать их, но и не запрещал.

В очереди кто-то нервно усмехнулся. Арден не улыбнулся.

— Опишите признак.

— Тепловая пустота без смены зерна. При натяжении — параллельные насечки без якорей. Движение в изображении перескакивает не по времени, а по причине: молоток оказывается ниже, хотя рука не завершила дугу.

— Что было удалено?

— Не знаю.

— Кто удалил?

— Не знаю.

— Когда?

— До первой заверки копии. Иначе шов не унаследовался бы как естественная связь.

— Законно?

— Не знаю.

Арден опёрся пальцами о стойку.

— Четыре раза «не знаю». Для человека, который только что рисковал ремеслом, вы удивительно скупы на уверенность.

— Уверенность не восстановит удалённую секунду.

— А что восстановит?

— Исходный носитель, память автора и независимая запись того же промежутка.

— Первое у нас есть. Второе неизвестно. Третьего за двенадцать лет не нашли.

— Значит, нужно идти туда, где Архив связал этот шов с другими причинами.

Арден посмотрел на её заявление. Палец остановился на имени матери.

— Вы хотите войти в Архив, чтобы оправдать Миру Варн.

— Я хочу узнать, что было вырезано.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, которому я сейчас доверяю.

Он взял лист, сложил его ещё раз по уже продавленной линии и вернул Лее.

— Состав утверждён.

В груди у неё что-то провалилось, но она не опустила глаз.

— Тогда зачем вы спрашивали?

— Чтобы понять, вы опасны из-за фамилии или из-за профессии.

— И что решили?

— Из-за профессии.

Арден повернулся к чиновнице.

— Оформите временный пропуск наблюдателя на испытание функций. Без права касаться носителей.

— Восьмой пропуск? — уточнила та.

— К вечеру один из восьми станет лишним.

Лея почувствовала, как люди в очереди снова начали дышать.

— Испытание сегодня? — спросила она.

— Через час. Западный вход Архива.

— У меня отозвали ученическую печать.

— Если навык держится на печати, место вам не понадобится.

Он сделал два шага к двери, затем остановился.

— И ещё, Лея Варн. Мастер Кев уже передал носитель. В его уведомлении указано: «вероятный авторский шов, обнаруженный ученицей при нарушении протокола».

Лея не сразу поняла смысл.

— Он написал про шов?

— Ваш мастер дорожит точностью больше, чем спокойной жизнью. Постарайтесь хотя бы в этом быть на него похожей.

Арден ушёл за дверь.

Чиновница поставила на заявление временную печать. В пустом круге проступила чёрная черта — вход без гарантии выхода.

— Следующий, — сказала она.

Лея отошла от окна. Ей хотелось бежать обратно к Кеву, но до испытания оставался час. Хотелось поверить, что шов уже что-то доказал, но он доказывал лишь вмешательство. Хотелось считать Ардена союзником, однако он даже не обещал ей места — только возможность стать лишней на глазах у семерых отобранных специалистов.

На площади ветер надул белые полотнища. Пустые круги дрогнули, будто город пытался выбрать лицо ещё не вынесенной правды.

Лея развернула заявление. Под печатью появилась строка, которой раньше не было:

Функция: реставрация причинных разрывов. Испытание проводится внутри первого порога. Личная память допускается в качестве залога.

Она перечитала последнее предложение дважды.

Первый порог считался частью Архива. А Архив ничего не показывал бесплатно.

До западного входа оставалось пятьдесят три минуты.

Глава 2. Семь функций

Западный вход Архива не походил на дверь. В глухой стене Палаты стояла рама из тёмного стекла, а за ней — такая же стена, только старая, сложенная из серого камня. Между стеклом и камнем оставалось пространство шириной в ладонь. Там медленно падала пыль.

Лея пришла за семь минут до срока и оказалась последней.

Шестеро ждали под навесом, каждый возле собственного футляра. Седьмой кандидат стоял отдельно — пожилой реставратор в белом жилете мастера. Его Лея узнала сразу: Орт Ней, старший приёмщик Великого Свода, человек, чья печать уже значилась на половине опорных записей квартала Ляна.

Он тоже узнал её фамилию на временном пропуске.

— Наблюдательница, — произнёс он. — Теперь так называют нарушение допуска?

Лея зажала пропуск между пальцами, чтобы ветер не бил им по пуговицам.

— Сегодня, видимо, так называют восьмую функцию.

— Функций семь.

— Значит, кому-то из нас выдали чужое место.

Ней улыбнулся без радости. Остальные сделали вид, что рассматривают стену.

Арден Сой появился ровно с первым полуденным звоном. Дорожный плащ он сменил на короткую куртку без карманов. На поясе висел прозрачный сосуд с мутной водой, больше ничего.

— Оставьте инструменты снаружи, — сказал он.

Пожилой Ней первым поднял футляр.

— Испытание реставратора без инструментов?

— Испытание функции. Если функция помещается в футляре, человека можно не брать.

Ней поставил футляр обратно. Один за другим кандидаты отошли от своих вещей.

Арден коснулся стеклянной рамы. Каменная стена за ней отступила не назад, а вниз, будто стала дном глубокого колодца. В раме открылся узкий зал. Света внутри не было, но вдоль пола тянулась белая линия.

— Первый порог принадлежит Архиву, — сказал Арден.

— Всё, что вы вспомните за ним, может стать материалом маршрута. Всё, что назовёте доказанным, Архив попытается связать с другими следами. Не обещайте того, чего не готовы лишиться.

— А задача? — спросила высокая девушка с выбритым виском.

— Войти семерым.

Он переступил порог. Кандидаты двинулись следом, и Лея оказалась рядом с девушкой.

— Эм Тар, карта, — та представилась так, будто продол-

жала спор. — Я запоминаю взаимное положение вещей. Не дороги.

— Лея Варн, реставрация.

— Я слышала.

— От кого?

— От всей площади.

За порогом воздух был сухим и пах тёплой бумагой. Белая линия довела их до круглой комнаты с семью нишами. В центре на низком столе лежали обломки прозрачной пластины. Их было двенадцать; каждый хранил несколько секунд чужой памяти. В одном дрожала рука над дверной ручкой, в другом сыпалась штукатурка, в третьем мальчик говорил что-то без звука.

Над столом висела надпись:

СОБЕРИТЕ ПРИЧИНУ. ОТКАЖИТЕСЬ ОТ ЛИШНЕГО.

Как только последний человек вошёл, проход за ними стал камнем.

— Прекрасно, — сказал широкоплечий парень с медной нитью на воротнике. — Нам прямо велели выбросить одного.

— Дан Рош, связь, — тихо подсказала Эм. — Любую тишину считает личным оскорблением.

— Я слышу, картограф.

— В этом и состоит твоя функция.

Арден встал у стены и поднял сосуд с водой.

— В нём одна минута наружного времени. Когда вода станет прозрачной, комната выберет маршрут по вашему решению. Я не буду помогать.

— А если мы не решим? — спросил худой мужчина с тёмными кругами под глазами.

— Тогда решение примет Архив.

— Миро Вел, хронология, — произнёс мужчина, не глядя ни на кого. — Вода очистится не через минуту. Верхний слой уже оседает быстрее нижнего.

— Значит, у нас меньше? — спросил Дан.

— Значит, у нас нет общей меры, пока я не сравню течение здесь и снаружи.

Орт Ней подошёл к столу.

— Здесь двенадцать фрагментов и семь ниш. Очевидно, надо собрать свидетельство и поместить в ниши тех, чьи функции подтверждены. Девушка без печати остаётся снаружи.

— Снаружи уже стена, — заметила невысокая женщина в плотных серых перчатках.

Она провела пальцем над обломком, не касаясь его.

— Ида Край, размыкание, — сказала она. — Если пластина собрана неверно, я могу снять причинную связь. Один раз. Второй рез здесь обрушит стол.

— Откуда вы знаете? — спросила Лея.

— Стол натянут на одну петлю. Я чувствую натяжение.

У дальней ниши женщина лет сорока закрыла глаза. На её

шее висела пустая рамка удостоверения.

— На фрагментах один свидетель, — сказала она. — Мужчина. Он боится открыть дверь, но мальчик за дверью — не его сын. Воспоминание заставляет его так думать.

— Рут Лем, свидетель, — представилась она сама. — Я удерживаю чужую точку зрения, не выдавая её за свою.

Остался юноша с коротко стриженными волосами. Он не смотрел на пластину — смотрел на людей.

— Сен Айл, медицина памяти. У Миры учащённое дыхание, у Дана начинается смысловой звон, а у Леи рука повреждена после контакта с незаверенным носителем.

Лея спрятала ладонь в рукав.

— Боли нет.

— Боль отстаёт. Это не одно и то же.

— Времени мало, — сказал Ней. — Я соберу пластину. Хронолог даст порядок, свидетель — содержание. Остальные подтвердят свои функции по ходу.

Он взял два обломка и совместил края. Изображение на мгновение стало цельным: рука легла на ручку, мальчик за дверью поднял голову. Потом между кусками пробежала чёрная линия.

Комната вздрогнула. Одна из семи ниш погасла.

— Не тот стык, — сказал Миро.

— Края совпали.

— Секунды — нет. На первом фрагменте штукатурка уже падает. На втором потолок цел.

Ней разъединил обломки. Ниша не зажглась.

— Ты можешь вернуть её? — спросил он Иду.

— Могу разрезать ошибочную связь. Но тогда у нас не останется реза на выход.

— Выход откроется после сборки.

— Это предположение, — сказала Рут. — Не свидетельство.

Мутная вода в сосуде посветлела на четверть.

Эм обошла стол, считая шаги. Потом встала в середине комнаты и указала на ниши.

— Они не одинаковы. Три глубже остальных, две смещены относительно центра. Это не места для людей. Это схема комнаты из воспоминания.

— Семь ниш, семь функций, — возразил Дан.

— Так хочет прочесть надпись человек, которому велели отказаться от лишнего.

— Надпись может быть частью свидетельства, — сказал Миро. — Или инструкцией испытания. У нас нет временной метки её появления.

Все заговорили разом. Ней требовал передать ему фрагменты. Дан пытался повторять каждую реплику, чтобы никто не потерял нить. Эм называла расстояния. Рут просила замолчать: чужой страх на пластине смешивался с их собственным. Ида держала ладонь над столом, будто останавливала невидимую трещину.

Лея смотрела не на изображения, а на чёрную линию,

оставшуюся после неверного стыка. Она была слишком широкой для повреждения и слишком ровной для естественного разрыва.

— Сен, — сказала она. — Что с нами делает комната?

— Усиливает привычный способ работы. Пока до потери контроля далеко.

— Не с людьми. С памятью.

Он перевёл взгляд на обломки.

— Заставляет мозг достраивать пропуски. Рут сопротивляется лучше остальных.

— Потому мальчик кажется сыном, — сказала Рут. — Пластина предлагает самую сильную связь, а не верную.

Лея наклонилась над столом. Обломки были вырезаны аккуратно, но один край у каждого казался чуть мягче других, словно стекло успело оплавиться.

— Здесь уже была цельная запись. Её не разбили. Из неё вырезали связи.

Ней оттеснил её плечом.

— Без печати ты не отличишь срез от скола.

— А вы с печатью только что соединили падение штука-турки с целым потолком.

Он побледнел.

Лея подняла руки, не касаясь фрагментов.

— Эм, совмести не края, а места в комнате. Миро, порядок пока не называй — дай только то, что раньше и позже. Рут, удерживай мужчину, но не родство. Дан, повторяй каж-

дому только то, что сказали о его фрагменте. Сен, останови нас, если начнём заполнять пробел. Ида, ищи связь, которая натянута сильнее остальных.

— А ты? — спросил Дан.

— Найду, где запись заставляет нас ошибиться.

— Командовать без допуска удобно.

— Можешь не слушать. Тогда Ней соберёт нам красивую причину.

Пожилой реставратор протянул руку к пластине, но Арден впервые шевельнулся.

— Испытание не запрещает отказ, — сказал он.

Ней посмотрел на погасшую нишу. Потом отступил.

Эм разложила фрагменты прямо на полу. Не соединяя, построила из них круг комнаты: дверь, окно, перекошенный шкаф, семь углублений в стене. Миро ходил вокруг и называл пары: «это раньше трещины», «это после звука», «между ними неизвестно». Дан повторял коротко и без украшений. Его голос перестал быть громким; он словно прокладывал между людьми отдельные нити.

Рут взяла фрагмент с рукой.

— Мужчина открывает дверь не ради мальчика. Он боится того, что мальчик увидит внутри.

— Это есть в записи? — спросила Лея.

— Страх направлен назад, в комнату. Родство предлагает Архив.

— Связь возле окна натянута, — сказала Ида. — Очень

сильно.

Эм положила рядом два обломка. На одном за окном мелькнул белый свет. На другом мужчина уже закрывал мальчику глаза.

— Раньше и позже неизвестно, — предупредил Миро.

— Звук? — спросила Лея.

Дан коснулся медной нити на воротнике.

— В трёх фрагментах он вырезан. Но отклик стены одинаковый. Один и тот же удар.

Сен опустился на колено рядом с ним.

— Не вслушивайся глубже. У тебя звон перешёл в чужую речь.

— Ещё немного.

— Нет. Повтори то, что уже услышал.

— Один удар. Три точки восприятия. Окно, дверь, мальчик.

Лея увидела шов. Не на краях обломков — между повторениями одного события. Все три следа предлагали разную причину белого света, и Архив подталкивал выбрать наиболее цельную: взрыв за окном, мужчина спасает ребёнка, потолок рушится. Но рука мужчины до удара тянулась не к двери. Она тянулась к рычагу на стене.

— Он не открывал, — сказала Лея. — Он запирал.

Рут резко вдохнула.

— Да. Мальчик снаружи. Мужчина оставляет его снаружи.

— Тогда причина удара внутри комнаты, — сказал Миро.

— Нет, — возразила Лея. — Мы опять достраиваем. У нас есть только одновременность.

Вода стала почти прозрачной.

Ида указала на пустой промежуток между фрагментами.

— Самая сильная связь здесь. Там ничего нет, но стол держится за пустоту.

— Можешь разрезать? — спросила Эм.

— Это и есть мой единственный рез.

— Если ошибёшься, — сказал Дан, — выхода не будет.

— Если не разрежу, Архив выберет предложенную причину.

Ней шагнул вперёд.

— Вы не имеете права разрушать свидетельство ради догадки ученицы.

— Это не свидетельство, — сказала Рут. — Это ловушка для свидетеля.

— А вы все хотите поверить девчонке, потому что она раздала вам роли.

Лея посмотрела на надпись над столом. «Откажитесь от лишнего». Не от человека. Не от фрагмента.

— Лишнее — причина, — сказала она. — Та, которую запись предлагает без доказательства.

Арден молчал. В сосуде оставалась тонкая мутная спираль.

— Ида, режь пустую связь, — сказала Эм.

— Это должна решить не карта.

— Тогда голосуем, — предложил Дан.

— Причинность не становится верной большинством, — отрезал Миро.

Сен положил ладонь Иде на запястье, проверяя пульс.

— Ты контролируешь движение. Решение твоё.

Ида посмотрела на каждого. Ней отвернулся. Арден не дал знака.

— Если я разрежу, — сказала она Лее, — ты сумеешь удержать края от нового ложного стыка?

У Леи не было печати. Правая ладонь уже начинала гореть там, где утром коснулась опорной записи. Она могла солгать — и получить место. Могла признаться — и оставить решение Архиву.

— Голыми руками — несколько секунд, — сказала она. — Потом Сену придётся оттаскивать меня.

— Я оттащу раньше, — ответил Сен.

— Тогда режь, — сказала Лея.

Ида свела большой и указательный пальцы над пустым промежутком.

Звука не было. Все двенадцать фрагментов одновременно потемнели, а Лея почувствовала, как комната выбирает ближайшие края и тянет их друг к другу. Она прижала ладони к полу между обломками.

В кожу ударил чужой страх. Мужчина у стены знал, что за дверью ребёнок. Знал, что белый свет придёт снаружи. Знал

ещё что-то — но пустое место уже наполнялось лицом мальчика, именем, обещанием спасти.

— Не сын, — сказала Рут.

— Удар одновременный, причина неизвестна, — сказал Миро.

— Окно в трёх шагах, дверь в пяти, — сказала Эм.

— Один удар, три точки, — повторил Дан.

— Лея, отпускай, — приказал Сен.

— Ещё нет.

Чёрная линия между фрагментами истончилась. Теперь она не изображала связь. Она обозначала отсутствие связи — честный разрыв, который не требовал немедленно заполнить себя.

Семь ниш зажглись.

Сен рванул Лею за плечи. Она упала назад, и обломки поднялись с пола. Они не сложились в пластину. Каждый занял отдельную нишу вместе с двумя или тремя соседними, показывая семь несовпадающих ракурсов одной комнаты.

Камень позади Ардена раскрылся проходом.

На столе появилась новая строка:

ПРИЧИНА НЕ УСТАНОВЛЕНА. МАРШРУТ ДОПУСТИМ.

Некоторое время никто не говорил. Сен держал запястье Леи; на её ладонях проступили тонкие серые полосы.

— Чувствуешь пальцы?

— Да.

— Это был вопрос с проверяемым ответом.

Она по очереди коснулась большим пальцем остальных.

— Все.

Ней подошёл к Ардену.

— Испытание было составлено с нарушением. Формулировка провоцирует отказ от специалиста, а материал не допускает цельной сборки.

— Именно поэтому оно проводится у первого порога, — ответил Арден.

— Вы заранее выбрали её.

— Если бы выбрал, не стал бы рисковать маршрутом.

— Моя квалификация подтверждена Палатой двадцать два года назад.

— И сегодня заставила вас предпочесть цельную ошибку открытому разрыву.

Ней посмотрел на Лею.

— Ученица коснулась материала без печати второй раз за день.

— И назвала предел своего умения до того, как это стало удобно, — сказал Арден. — Экспедиции нужен реставратор. Не безошибочный человек.

Он снял с пояса семь коротких нитей и раздал их кандидатам. Лее досталась тёмно-синяя. Ней остался без нити.

Тот не спорил. Он забрал футляр за порогом и ушёл, не попрощавшись. Лея ожидала удовлетворения, но чувствовала только жжение в ладонях и стыд от того, как легко все со-

гласились считать лишним именно человека.

— Я думала, функций семь вместе с руководителем, — сказала она Ардену.

— Руководитель — должность снаружи. Внутри я хранитель выхода.

— Это восьмая функция.

— Это право закрыть дверь.

Арден налил из сосуда по капле на каждую нить. Цвета проявились: зелёный у Эм, белый у Рут, медный у Дана, чёрный у Миро, красный у Иды, серый у Сена, синий у Леи.

— Нити показывают, когда Архив использует вашу личную память как опору, — сказал он. — Если цвет исчезнет, немедленно называете, что забыли. Остальные записывают расхождение. В одиночку никто не проверяет собственную утрату.

— А ваша нить? — спросила Рут.

Арден показал голое запястье.

— Хранитель выхода не вносит память в Свод.

— Удобное правило, — сказал Дан.

— Неудобство правил не доказывает их честность. Как и удобство — ложность.

Эм уже стояла у нового прохода. За ним не было ни полов, ни комнат — только лестница, уходившая вниз и одновременно вдаль. Каждая ступень состояла из узких световых пластин. На ближайшей дрожало воспоминание о чьих-то босых ногах в золе.

— Карта начинается здесь? — спросила она.

— Карта началась, когда вы вошли, — ответил Арден.

Белая линия на полу погасла. Внешний порог за их спинами закрылся, но не превратился в стену. На его месте появилась высокая полка, заставленная одинаковыми серыми коробками. На каждой было написано имя одного из семерых.

Лея нашла свою.

**ЛЕЯ ВАРН. ВОСПОМИНАНИЯ, НЕ ПРИЗНАННЫЕ
ВЛАДЕЛЬЦЕМ.**

Коробка стояла не пустая.

Она хотела спросить Ардена, кто успел её наполнить. Но Эм подняла руку: лестница меняла направление. Световые ступени поворачивались к ним ребром, и вместе с ними двигались изображения босых ног.

— Если остаёмся, потеряем первый маршрут, — сказала картограф.

Лея затянула синюю нить на запястье и отошла от полки.

Семеро ступили на лестницу. Арден вошёл последним.

Позади них коробка с именем Леи тихо раскрылась.

Зал, который помнит вопрос

Первую ступень Лея ощутила не подошвой, а воспоминанием о холоде.

Босые ноги, проступавшие в световой пластине, принадлежали не ей. Они шли по золе, не оставляя следов. Но стоило Лее перенести вес вперёд, как между пальцами набилась тёплая серая пыль, а в горле появился вкус горелой шерсти.

— Чужое, — сказала она.

— Нить? — сразу спросил Сен.

Синяя нить на запястье сохраняла цвет.

— Не моя память. Только ощущение.

— Тогда не называй его своим, — сказал Арден. — Здесь грамматика важнее храбрости.

Эм уже опустилась на корточки у края ступени. Зелёная нить касалась световой пластины, но изображение не реагировало. Картограф провела мелом короткую черту на медной накладке перил.

— Порог, направление вниз, уклон на восток, — перечислила она. — Возврат по той же оси.

Лестница повернулась.

Не медленно, как механизм, а сразу: следующая ступень оказалась у них над головами, предыдущая ушла в стену, а перила вытянулись вперёд двумя параллельными линиями. Команда стояла уже не на лестнице, а в длинном зале. Пол-

ки росли из пола под наклоном и сходились высоко наверху, образуя ребристый свод. Между ними висели десятки серых коробок.

На ближайшей Лея увидела своё имя.

Крышка была приоткрыта.

— Никто не двигается, — приказал Арден.

Коробка качнулась, словно услышала его, и скользнула по полке прочь. Не упала, не была унесена лентой — просто каждое соседнее место становилось для неё ближе прежнего. Через несколько секунд она оказалась в глубине зала.

— Она открылась ещё у порога, — сказала Рут. — И двинулась, когда Лея её узнала.

— Когда я спросила, кто успел её наполнить, — возразила Лея.

— Ты не спросила, — сказал Дан. — Ты только собиралась.

— Откуда ты знаешь?

Медная нить на его воротнике дрогнула. Дан коснулся её и поморщился.

— Потому что слышал вдох перед вопросом. Слов не было.

— Архив отвечает не на слова, — сказал Миро. — Или не только на слова.

Эм посмотрела назад. Там, где должен был остаться первый порог, стояла полка с семью пустыми ячейками. Меловая черта исчезла вместе с медной накладкой.

— Направление назад утрачено, — сказала она.

— Нет, — ответил Арден. — Геометрическое направление утрачено. Это разные утверждения.

— Для карты — нет.

— Тогда у тебя не та карта.

Эм стиснула мел так, что белая крошка посыпалась на ладонь.

Лея всматривалась в серые коробки. Большинство не имело надписей. На некоторых проступали отдельные слова: «после», «потому что», «если бы». Ни даты, ни имени владельца. Её коробка мелькнула между ними синим краем крышки и снова исчезла.

— Что в ней? — спросила Ида.

Полки ответили.

Сначала прошёл шелест, будто тысячи листов одновременно перевернули страницу. Затем весь правый ряд отодвинулся, открывая узкий проход. Слева полки сомкнулись. С потолка опустилась табличка с выжженной строкой:

ЧТО В НЕЙ?

Вопрос Иды повторился на коробках. На каждой — теми же буквами, но с разными знаками в конце: точкой, вопросом, пустым местом.

— Не отвечайте, — сказал Арден.

— Вы знали, что так будет? — Дан говорил тихо, однако слова разошлись по залу эхом.

Новая строка появилась под первой:

ВЫ ЗНАЛИ?

Проход справа раздвоился.

— Перестаньте задавать вопросы, — сказал Арден.

Третья строка не появилась. Приказ Архив не запомнил.

Миро вынул из футляра две костяные пластинки и положил одну у ног, другую — возле правой полки.

— Отсчёт, — сказал он. — Без вопросительной формы. Дан, повторяй только наблюдения.

— Первый вопрос создал один проход. Второй разделил его на два.

— Между первым вопросом и перестройкой — четыре удара пульса. Между вторым и перестройкой — один.

Сен проверил пульс Иды, потом свой.

— Чей пульс?

Полки дёрнулись.

На табличке проступило:

ЧЕЙ?

Костяную пластинку Миро унесло в щель. Он успел отдёргнуть пальцы.

— Мой промах, — сказал Сен.

— Теперь три вопроса, — произнёс Дан. — Последний не открыл проход. Он забрал метку времени.

— Значит, отвечает по смыслу, — сказала Лея. — Вопрос о содержимом дал маршрут к содержимому. Вопрос об освещённости разделил путь по возможным ответам. Вопрос о пульсе убрал ложную меру.

— Это толкование, — отрезал Мирот.

— Да.

Она специально назвала границу уверенности. Синяя нить осталась тёмной.

Эм подошла к развилке, не пересекая её. Первый проход был низким и ровным. Во втором полки уходили ступенями вверх, хотя потолок над ними не поднимался.

— Я могу снять размеры, — сказала она. — Но они сохраняются только до следующей фразы с неизвестным.

— Снимай не размеры, — ответила Рут. Белая нить на её запястье стала почти прозрачной. — Снимай, кто заставил зал измениться.

— Люди не координаты.

— Здесь вопрос — координата.

Лейя увидела коробку в низком проходе. Та стояла совсем близко, за тремя рядами полок. На крышке синели буквы её имени. Внутри что-то шевельнулось — не предмет, а свет, похожий на отражение огня в воде.

Она шагнула.

Сен поймал её за локоть.

— Я не задаю вопрос, — сказала Лейя.

— Зато уже выбрала ответ.

— Это моя коробка.

— Надпись на ней твоя. Остальное не установлено.

Лейя вырвала руку. Коробка приблизилась ещё на одну ячейку, будто её движение тоже было частью фразы.

— Если Архив хранит воспоминания, которые я не признала, там может быть минута перед пожаром.

— Или ловушка, построенная из твоего ожидания, — сказала Рут.

— Различие установим после доступа.

— Доступ уже меняет различие, — напомнила Ида.

Лея знала это лучше всех. Любое прикосновение реставратора оставляло давление, температуру, направление внимания. Но коробка носила её имя, и от этого профессиональная осторожность казалась красивым словом для трусости.

Она нырнула в низкий проход.

— Лея! — крикнул Дан.

Полки сомкнулись между ними.

Пространство сдавило плечи. Лея успела выставить ладони, и серые полосы, оставшиеся после испытания, вспыхнули болью. Впереди коробка отступала ровно настолько, чтобы до неё нельзя было дотянуться.

Позади Дан повторял её имя, но каждый раз голос приходил с другой стороны. Слева. Сверху. Из-под пола.

— Не зови меня! — крикнула она.

Полки остановились.

Лея закрыла рот ладонью. Приказ не менял зал. Значит, дело не в звуке и не в любом обращении. Вопрос создавал направление, а попытка ответить превращала его в путь.

Перед ней коробка раскрылась шире.

Внутри лежала тонкая стеклянная лента. На ней — де-

вочка лет двенадцати у реставрационного стола. Лея узнала собственную левую руку: ноготь большого пальца тогда был расколот после падения с крыши. Девочка проводила иглой вдоль светящегося шва и говорила кому-то за пределами записи:

— Если убрать дрожание по краю, никто не увидит, что куски были разными.

Лея перестала дышать.

Лицо девочки оставалось вне ракурса. Только рука, игла и голос. Этого было недостаточно для удостоверения. Но тело узнало движение раньше рассудка: указательный палец сам согнулся, повторяя старый нажим.

Синяя нить посерела.

— Я забыла, — сказала Лея.

Нить не вернула цвет.

Правило Ардена требовало назвать, что именно утрачено. Но как назвать отсутствие, если коробка уже предлагала готовый ответ?

— Я забыла, где научилась вести иглу против волокна.

Серый цвет дрогнул, не уступая синему.

Полки за спиной заскребли. Сквозь щель просунулась зелёная нить, привязанная к обломку мела.

— Не двигайся, — сказала Эм откуда-то снизу. — Я отмечаю связь.

— Ты меня видишь?

Зал содрогнулся от нового вопроса. Коробка взлетела на

верхнюю полку. Проход под ногами Леи переломился, и она повисла, зажатая плечами между стенками.

— Вижу изменение после твоего голоса, — ответила Эм.
— Не тебя.

— Не отвечайте напрямую! — крикнул Миро. — Ответ закрепляет ветвь.

Стеклянная лента выскользнула из коробки и поплыла к Лее. Девочка на ней снова провела иглой по шву. Теперь за кадром прозвучал взрослый голос:

— Хорошо. Так свидетельства не будут спорить.

Лея потянулась к ленте.

— Руки к себе, — приказал Сен.

Она замерла. Между пальцами и стеклом оставалось меньше ладони.

— Нить потеряла цвет, — сказала Лея.

— Что забыто?

Полки снова шевельнулись, но слабее. Вопрос Сена не открывал новый путь: он повторял уже существующий — к со-держимому коробки.

— Источник навыка. Возможно, ещё человек, который учил меня.

— Подтверждаю только изменение нити, — сказал Дан.
— Остальное со слов Леи.

— Голос на ленте не узнаю.

— Не пытайся, — сказала Рут. — Запись требует узнавания. Я чувствую это даже через полки.

— Как выйти? — спросила Ида.

Зал ответил сильнее прежнего.

Все полки разом легли набок. Коробки посыпались, но ни одна не достигла пола: каждая падала в собственное направление. Прямой проход к порогу, если он ещё существовал, исчез окончательно. Над командой раскрылась новая табличка:

КАК ВЫЙТИ?

Вокруг Леи возникли десятки дверей. На одной была учебная печать, которой её лишили утром. На другой — имя матери. На третьей — пустая рамка, из которой тянуло холодным воздухом. Каждая выглядела ответом, приготовленным именно для неё.

— Ни одну дверь не открывать, — сказал Арден.

— Это вы называете хранением выхода? — спросил Дан.

Вопрос не успел отпечататься. Эм ударила ладонью по полке.

— Хватит искать выход как место. Все молчат.

Она говорила короткими утверждениями. Зал застыл.

— У нас пять изменений, — продолжила Эм. — Первое связано с содержимым коробки. Второе — со знанием Ардена. Третье убрало меру Миров. Четвёрто приблизило Лею к записи. Пятое создало двери после слов Иды.

— Четвёртым был мой вопрос тебе, — сказала Лея.

— Нет. Ты вошла раньше. Твой шаг был ответом на первый вопрос.

Эм привязала зелёную нить к поясу и разматывала её, переходя между участниками. От неё к Рут, от Рут к Иде, от Иды к Миро, от Миро к Сену, от Сена к Дану. Геометрически нить пересекала полки, уходила под пол и возвращалась сверху. Но нигде не натягивалась.

— Я отмечала места, — сказала Эм. — Архив их забрал. Теперь отмечаю последствия. Ида спросила о коробке — полки дали путь. Дан спросил Ардена — путь раздвоился. Сен спросил о мере — Архив убрал метку. Лея пошла за предложенным ответом — путь стал клеткой. Ида спросила о выходе — появились двери.

— Это не карта, — сказал Миро.

— Пока нет. Дан, повтори только связи.

Он повторил. После каждой фразы зелёная нить проступала сквозь полки ярче. Эм подвела свободный конец к тому месту, откуда доносился голос Леи. Нить прошла через серую стенку, как свет через тонкую кожу, и легла ей на запястье рядом с посеревшей синей.

— Теперь карта связывает не где мы стоим, а каким выбором сюда пришли, — сказала Эм. — Возврат — не противоположное направление. Это действие, которое отменяет закреплённый ответ.

— Нельзя отменить действие, — сказал Миро. — Только установить более позднее.

— Тогда установим.

Эм повернулась к Иде.

— Разомкни связь между первым вопросом и Леиной коробкой.

— Я уже использовала рез у порога.

— Рез — инструмент. Здесь нужен отказ считать путь от-
ветом.

Ида закрыла глаза. Красная нить на её запястье побледнела, когда она провела пальцем по зелёной линии.

— Коробка могла измениться после вопроса, — сказала она. — Это не доказывает, что проход ведёт к её содержанию.

Низкий коридор распался на отдельные ячейки.

Лея упала на колени рядом с командой. Стекланная лента осталась по другую сторону полок. Последним исчезло движение детской руки — игла против волокна.

Синяя нить снова стала синей, но у самого узла сохранилось серое пятно.

Сен взял Лею за подбородок, заставляя смотреть на него.

— Имя.

— Лея Варн.

— Возраст.

— Девятнадцать.

— Последнее подтверждённое действие до входа в этот зал.

— Я удерживала ложный стык у первого порога. Потом затянула нить и ступила на лестницу.

— Промежуток сохранён. Источник навыка пока утрачен

или закрыт.

Лея хотела возразить: она только что видела источник. Но Рут покачала головой.

— Ты видела запись, предлагающую источник.

— С моей рукой.

— С рукой, которую ты узнала. Это важное свидетельство. Не приговор.

Арден стоял возле одной из дверей и наблюдал, как та тускнеет.

— Вы знали про коробки, — сказал Дан. На этот раз не спрашивал.

— Знал, что Архив создаёт их для входящих. Не знал, что коробка Леи будет наполнена до первого маршрута.

— Почему не предупредили?

Полки дрогнули, но прохода не создали. Вопрос относился не к Архиву, а к человеку — или Арден отказался сделать его маршрутом.

— Предупреждение стало бы первым вопросом за вас, — ответил хранитель. — Зал запомнил бы мою формулировку. Вы вошли бы в мой маршрут.

— А теперь мы вошли в Леин, — сказала Эм.

— Нет, — возразила Лея. — В маршрут вопроса Иды и моего ответа.

Эм посмотрела на неё, потом вписала мелом на зелёной нити два маленьких знака: красный возле Иды, синий возле Леи.

— Исправлено.

Перед ними оставалась одна дверь — пустая рамка с холодным воздухом. Эм не пошла к ней. Она разложила нить на полу петлёй: первый вопрос, предложенный путь, действие Леи, отказ Иды считать следствие доказанной целью. Петля замкнулась.

Пустая рамка приблизилась сама.

За ней лежал следующий зал. В центре на чёрном постаменте светился фрагмент памяти размером с ноготь. К нему вели семь узких мостков, но обратно не вёл ни один.

На пороге появилась строка:

КОПИЯ СОХРАНЯЕТ СВИДЕТЕЛЬСТВО. ЧТО СОХРАНЯЕТ КОПИЮ?

Никто не ответил.

Эм сняла с пояса конец зелёной нити и закрепила его не на двери, а на узле причин, который нарисовала на полу.

— Вот отсюда мы пришли, — сказала она.

Лея оглянулась. Зал уже убирал их следы. Таблички с вопросами гасли, коробки возвращались в безымянные ячейки. Только серое пятно на синей нити и короткие цветные метки Эм доказывали, что маршрут существовал.

Где-то за полками коробка с именем Леи закрылась.

На этот раз Лея не пошла за ней.

Цена копии

Малый фрагмент на постаменте показывал один и тот же жест: чья-то ладонь закрывала вентиляционную решётку полосой мокрой ткани.

Изображение длилось меньше секунды. На ткани темнела копоть, под ногтями блестела красная пыль. Каждый раз рука исчезала раньше, чем становилось понятно, кому она принадлежит и что находится по другую сторону решётки.

Семь мостков заканчивались у чёрного постамента. Обратных не было. За спиной команды пустая рамка уже затянулась серой плёнкой.

Надпись над входом продолжала светиться:

КОПИЯ СОХРАНЯЕТ СВИДЕТЕЛЬСТВО. ЧТО СОХРАНЯЕТ КОПИЮ?

— Не отвечаем, — напомнила Эм.

— Это правило зала, а не вопрос, — сказал Миро. — Формулировка требует установить носитель.

Он достал чистую временную пластину, но Арден остановил его.

— Любой предмет, положенный на мосток, считается предложением обмена.

— Это предупреждение вы могли дать заранее, — сказал Дан.

— До появления мостков оно не имело предмета.

Дан поморщился, но спорить не стал. Медная нить у его воротника всё ещё была яркой.

Эм провела зелёной нитью вдоль ближайшего мостка. Нить легла на светлую поверхность, затем прошла сквозь неё и вышла у соседнего края.

— Семь путей туда, — сказала она. — После шага каждый ведёт не к центру, а к другому человеку.

— Проверено? — спросила Лея.

Зал не перестроился. Вопрос относился к словам Эм, не к маршруту.

— По натяжению. Геометрию не утверждаю.

Рут прикрыла глаза.

— Фрагмент боится исчезнуть.

— Фрагменты не боятся, — сказал Миро.

— Человек в записи боится, что его действие останется без свидетеля. Это направлено не на решётку, а дальше. На того, кто должен увидеть.

Дан вслушался. Его способность вылавливать смысл из повреждённых звуков уже отозвалась серым напряжением у виска.

— Есть голос. Одно слово перед жестом.

— Не углубляйся, — сказал Сен.

— Я только отделю согласные.

— Ты уже не слышишь нас левым ухом.

Дан повернул голову и увидел, что Сен прав. Медная нить на воротнике побледнела с одного края.

— Тогда копируем без расшифровки, — решила Лея. — Нужны поверхность, привязка времени и свидетельская оговорка.

Она вынула из сумки тонкий лист опорного стекла. Печати у неё больше не было, поэтому сама она могла только подготовить края.

— Кто заверит? — спросила Ида.

— Никто, пока не сравним с независимым носителем.

— Тогда зачем копия?

— Чтобы сравнить позже и не тащить исходник через Архив.

Арден ничего не сказал. Лея поняла, что он ждал именно этого различия: вынести не доказательство, а возможность проверки.

Она положила стекло на начало своего мостка.

Свет под ним потемнел. На краю постамента появилась надпись:

НОСИТЕЛЬ ПУСТ.

— Пустота честная, — сказала Лея. — Для копии этого достаточно.

Мосток накренился. Стекло заскользило к чёрной щели между плитами.

Лея успела подхватить его.

ПУСТОТА НЕ УДЕРЖИВАЕТ УТРАТУ.

— Ему нужна не поверхность, — сказала Рут. — Нужен тот, кто заметит исчезновение.

— Свидетель копии, — предположил Дан.

Постамент вспыхнул. Фрагмент разделился на семь одинаковых изображений, по одному над каждым мостком.

— Не отвечай ему, — предупредила Эм.

— Я не ответил. Я назвал гипотезу.

— Для Архива этого хватило.

Семь изображений начали тускнеть. Первым исчезло над мостком Леи, затем над мостком Миро.

— Он проверяет, кто способен удержать, — сказал Дан.

На его мостке изображение стало ярче.

Сен схватил связного за плечо.

— Отойди.

— Если отойду, фрагмент исчезнет.

— Это предложенный ответ. Мы уже видели цену таких ответов.

— А ещё мы видели, что некоторые связи существуют.

Дан ступил на мосток.

Медная нить погасла.

Он пошатнулся, и Сен шагнул следом, но его мосток поднялся стеной. Остальные пути тоже изменили наклон, отделив каждого от соседа.

— Называй утрату! — крикнул Сен.

Дан прижал пальцы к воротнику.

— Не знаю.

— Последнее личное воспоминание.

— Утро у входа. Я спорил с писцом о списке команды.

— Раньше.

— Дорога из дома.

— Раньше.

Дан замолчал. На его лице появилось не замешательство, а осторожность человека, который ощупывает языком место выпавшего зуба.

— У меня есть сестра, — сказал он наконец.

Над его мостком возникла новая строка:
ПОДЛИННОЕ УДЕРЖИВАЕТ КОПИЮ.

— Имя сестры, — потребовал Сен.

Дан открыл рот. Не произнёс ничего.

— Я знаю, что оно было короткое.

— Сходи с мостка.

— Тогда я потеряю остаток или верну?

— Не установлено.

— Что уже взято? — спросила Лея у Ардена.

Хранитель смотрел не на неё, а на медную нить.

— Пока только доступ. Архив открыл личную память как возможный носитель. Обмен завершится у постамента.

— Значит, можно остановить.

— Можно.

Дан сделал шаг назад. Изображение ладони над решёткой потускнело. Потом из фрагмента донёсся звук — едва различимый сквозь треск.

— ...дыши, — разобрал Дан.

Он застыл.

— Это её голос.

— Ты не вспомнил имя, — сказала Рут. — Архив может подставлять узнавание вместо памяти.

— Она говорила так во время пылевых тревог. Мочила полотенце, закрывала решётку и заставляла меня считать вдохи.

— Запись из квартала Льна? — спросила Лея.

— Красная пыль использовалась в фильтрах восточных мастерских, — ответил Миро. — В квартале её тоже могло быть много после обрушения красильни. Дата не установлена.

— Если это её запись, я должен забрать копию.

— Именно это зал хочет заставить тебя решить, — сказала Ида.

Дан посмотрел на остальных через поднятые мостки.

— Вы все пришли сюда за чьей-то памятью. Почему моя должна оставаться безопасной?

Лея почувствовала укол стыда. Она первой погналась за коробкой и почти закрепила предложенную запись как собственное прошлое. Но одинаковый риск ещё не делал решение разумным.

— Не должна, — сказала она. — Но ты платишь до проверки, что фрагмент связан с сестрой.

— А ты проверишь его снаружи, если мы пройдем дальше.

— Проверю.

— Тогда это не слепая ставка.

— Это ставка на моё обещание.

— На функцию реставратора.

Он произнёс последнее слово так, будто возвращал ей печать, которой больше не было.

Эм перебросила зелёную нить через промежуток. Она не долетела до Дана, но зависла между мостками.

— Отметим цепь до выбора, — сказала картограф. — Фрагмент вызвал узнавание. Узнавание не подтверждает владельца. Дан предлагает личную память как носитель ради копии для будущего сравнения. Решение принято при известных границах.

Миро добавил:

— Дата, место и личность руки не установлены.

Рут:

— Страх свидетеля направлен на сохранение действия, не на доказательство личности.

Ида:

— Связь между голосом и сестрой Дана остаётся разомкнутой.

Сен:

— Возможная цена — полная утрата одного подлинного воспоминания. Обратимость не установлена.

Лея подняла чистое стекло.

— Копия будет помечена как незаверенная и полученная ценой личного носителя. Я не удалю эти оговорки, даже если они помешают использовать её для Свода.

Дан кивнул.

— Повтори моё решение.

Лея поняла: связной хотел услышать его извне, пока ещё мог сравнить со своим намерением.

— Ты отдаёшь Архиву одно подлинное воспоминание о сестре, чтобы сохранить незаверенную копию малого фрагмента для последующей проверки. Ты не считаешь фрагмент её записью до сравнения.

— Да.

— Добровольно? — спросил Сен.

Зал дрогнул, но не вмешался.

— Добровольно. После предупреждения о возможной необратимости.

Дан пошёл к постаменту.

На каждом шаге над мостком появлялось воспоминание. Девочка с коротко стриженными волосами чертила пальцем круг на запотевшем окне. Та же девочка прятала медную пуговицу в хлеб. Спина в сером пальто удалялась по мосту. Дан смотрел прямо перед собой, будто боялся выбрать, какое из них Архив сочтёт платой.

У постамента возникла узкая щель.

ОДНО ПОДЛИННОЕ. НАЗОВИТЕ.

— Не позволяй залу выбирать, — сказала Лея.

Дан закрыл глаза.

— День, когда сестра научила меня передавать слова через стену.

— Почему это? — спросил Сен.

— Потому что без неё я не стал бы связным. И потому что навык останется, даже если причина исчезнет.

— Это может изменить тебя сильнее, чем ты думаешь.

— Поэтому и равноценно.

Он положил ладонь на постамент.

По чёрной поверхности разошлись круги. На мгновение все услышали два детских голоса, разделённых стеной. Один отбивал костяшками короткий ритм. Второй повторял его с ошибкой и смеялся. Дан тоже засмеялся — одним выдохом, от которого у Леи сжалось горло.

Затем звук оборвался.

Медная нить вновь обрела цвет.

Дан открыл глаза.

— Что отдал? — спросил Сен.

— Воспоминание о сестре.

— Какое?

Дан посмотрел на него спокойно.

— Мы это записали?

Эм указала на зелёную нить, где мелом уже стоял знак. Миро повторил точную формулировку. Дан выслушал, не узнавая.

— Значит, теперь это ваше свидетельство обо мне, — сказал он.

Малый фрагмент опустился на стекло Леи. Она не касалась изображения: только закрыла края рамкой и процарапала

ла на ней семь оговорок. В последнюю секунду повреждённый голос стал яснее.

Он говорил не «дыши».

Он говорил: «не дыши».

Лея подняла глаза. Дан тоже услышал различие — по тому, как напряглась его челюсть.

— Это не она, — сказал он.

— Или другая обстановка, — ответил Миро.

— Или приказ перед выбросом пыли, — добавил Сен.

Рут покачала головой.

— Теперь страх направлен внутрь. Человек закрывает решётку не от того, что входит. От того, что собирается выйти.

На дальней стене раскрылись две даты. Обе обозначали день пожара в квартале Льна. Между ними лежало одиннадцать часов.

Обратные мостки выросли из чёрного постамента, но привели команду не к прежней двери, а к двум новым проходам.

Над одним стояла городская дата. Над другим — сменная дата закрытого квартала.

Дан сошёл с мостка последним. Лея протянула ему пластинку, на которой Миро записал утраченное воспоминание.

— Возьми. Это твоё.

Он не принял.

— Нет. Теперь это ваше свидетельство. Если я присвою его потому, что на нём моё имя, мы повторим ошибку твоей коробки.

Лея убрала пластинку в общий футляр.

До этого она доверяла Дану как человеку, способному донести слова без искажения. Теперь ей приходилось доверять ему ещё и там, где собственные слова больше не могли подтвердить его прошлое.

Эм закрепила зелёную нить между двумя проходами.

— У нас не две версии одного времени, — сказала она.

— У нас две системы, которые считают началом дня разные события.

Миро впервые улыбнулся.

— Это уже моя работа.

Две даты пожара

Два прохода были одинаковой ширины, но время в них двигалось по-разному.

Над левым горела городская дата — шестой день Лиственного месяца, один час после полуночи. Над правым стояла сменная: пятый день, двадцать пятый час. Между цифрами, как и прежде, лежало одиннадцать часов, хотя двери открылись одновременно.

Миро не улыбался больше. Он сел прямо на каменный пол, положил перед собой пластину с записью утраченного воспоминания Дана и вынул из футляра три узких часовых линейки.

— Никому не переступать пороги, — сказал он. — Даже рукой.

Арден посмотрел на него без возражения. В зале цены копии решения принимал Дан. Здесь власть перешла к хронологу, и Архив признал это раньше людей: свет на остальных мостках погас, оставив ярким только место вокруг Миро.

— Расхождение в одиннадцать часов, — сказала Лея. — Если сменный день начинался в полдень, всё совпадает.

— Если, — отозвался Миро. — Мы не знаем, когда он начинался. И не знаем, одинаковой ли длины был час.

— Час бывает разной длины? — спросил Дан.

— В документах — постоянно. Сирена делит смену, ко-

локол — городские сутки, мастер отмечает выработку по печам. Все называют деление часом, пока не приходится платить за опоздание.

Он положил первую линейку к левому порогу. На ней были выгравированы двадцать четыре равных деления. Камень принял её, и за дверью проявился коридор с белыми стенами. На дальней стене висели городские часы. Стрелки показывали один после полуночи.

Вторую линейку Миро придвинул к правому проходу. На ней было тридцать делений, сгруппированных в три смены. Правый коридор проступил красноватым светом. Вдоль пола тянулись выцветшие полосы, похожие на следы красителя.

— Тридцатичасовой день? — спросила Эм.

— Не день. Производственный круг. Десять часов на смену, потом знак перехода. Счёт не обнуляли, пока красильни не завершали общий заказ.

— Тогда двадцать пятый час может приходиться на любую городскую дату, — сказала Ида.

Миро кивнул.

Лея посмотрела на правый коридор. Красная пыль лежала там не ровным слоем. У самого порога она собиралась полукругиями, будто через щель много раз выдыхал воздух.

— Фрагмент с решёткой пришёл оттуда.

— Вероятно, — сказал Миро.

— Ты только что запретил нам считать очевидное доказанным.

— Поэтому и сказал «вероятно».

Он достал третью линейку. На ней не было цифр — только насечки разной глубины.

— А это что? — спросил Сен.

— Время обслуживания фильтров. Насечка после каждого падения тяги, не через равный промежуток. Такими отметками пользовались закрытые производства, где часы снаружи ничего не говорили о состоянии воздуха внутри.

При слове «фильтров» правый проход вытянулся. Где-то далеко ударил металл, и красная пыль вздрогнула.

Эм сразу закрепила зелёную нить у пола.

— Архив предложил связь.

— Не принимаем, — сказал Миро. — Пока только отмечаем реакцию.

Лея присела рядом. На краю чистой линейки оставалась тёмная окись. Миро пользовался ею давно, но среднее деление было истёрто сильнее других, словно палец постоянно возвращался к одному месту.

— Ты уже видел такой счёт, — сказала она.

Он накрыл истёртую насечку большим пальцем.

— Я составлял таблицу перевода после пожара.

Дан повернулся к нему.

— Официальную?

— Черновую. Официальная появилась позже.

— И что было в твоей?

— Ошибка.

Левый проход стал шире. Белые стены раздвинулись, приглашая войти.

Миро убрал палец с линейки.

— Вот почему никто не переступает порог. Архив услышал признание и уже предлагает маршрут, где оно станет причиной всего.

Арден подошёл ближе, но остался за линией света.

— В городском Своде твоя таблица не названа.

— Знаю. Вы использовали исправленную.

— Я не утверждал этого.

— Тогда почему вы знаете, что в ней было исправление?

На этот раз расширился правый проход.

Лея увидела, как Арден сжал зубы. Один неточный ответ мог превратить подозрение в дорогу, а дорогу — в версию, которую потом придётся оплачивать.

— Я читал материалы комиссии, — сказал он. — В них упомянута ранняя таблица без приложения. Её содержание мне неизвестно.

Правый коридор перестал расти.

— Граница ответа принята, — сказала Рут.

Миро провёл ногтем по первой линейке.

— После пожара нам дали три журнала: городскую пожарную книгу, табель ночной смены и ведомость обслуживания заслонок. В пожарной книге тревога стояла в первом часу шестого дня. В таблице — в двадцать пятом часу пятого. Я решил, что мастер смены перенёс запись назад, чтобы скрыть

переработку.

— На одиннадцать часов? — спросил Сен.

— На целую смену. Так мне казалось. Я перевёл двадцать пятый час в четырнадцатый час пятого дня.

Лея посчитала.

— То есть по твоей первой таблице пожар начался днём, а городская тревога прозвучала ночью.

— Между ними получалось одиннадцать часов. Комиссия решила, что квартал скрывал заражение до последнего.

Красная пыль в правом проходе поднялась до щиколотки невидимого человека, повторяя чьи-то шаги. В левом коридоре городские часы качнули минутной стрелкой назад.

— Но сменный счёт начинался не с полуночи, — сказала Эм.

— Я предположил, что с начала первой смены. Ошибка была глубже: он начинался не каждый день.

Миро положил рядом две линейки и совместил их начала. Затем сдвинул сменную на десять делений, ещё на десять и остановился.

— В квартале Льна сутки обнуляли после приёмки окрашенной партии. Если приёмку задерживали, появлялся двадцать пятый, двадцать шестой, иногда тридцать второй час. Это был не способ назвать время города. Это был возраст производственного процесса.

— Значит, две даты вообще нельзя переводить одна в другую без журнала партии, — сказала Лея.

— Можно установить соответствие по общему событию. Но нельзя вычесть одиннадцать и объявить одну запись ложной.

Дан присел напротив него.

— Когда ты понял?

Миро не ответил сразу. По белой стене левого коридора поползли строки его черновой таблицы. Каждая заканчивалась печатью комиссии, хотя на настоящем черновике печати быть не могло.

— Через два дня после сдачи. Нашёл ведомость партии в неправильной папке. Она была подшита к расходу воды, потому что приёмку отложили из-за падения давления.

— Исправил?

— Подал дополнение.

— Его приняли?

— Мне вернули лист без отметки.

— А ты? — спросила Ида.

— Переписал таблицу так, чтобы она совпадала с уже утверждённой последовательностью.

В левом проходе разом зажглись десятки ламп. Белая дорожка стала прямой и короткой. В её конце появилась стеклянная дверь с печатью Великого Свода.

Рут резко втянула воздух.

— Он не лжёт сейчас. Но ему легче от того, что признание открыло удобную дверь.

— Мне не легче, — сказал Миро.

— Я говорю не о чувстве вины. Я говорю о желании, чтобы вина наконец объяснила всё.

Лампы мигнули.

Миро посмотрел на Рут с раздражением, но не отвернулся.

— Верно. Если выбрать левый путь, моя ошибка станет причиной задержки тревоги. Город получит виновного хронолога, а мы — короткий маршрут.

— И обе даты превратятся в доказательство подлога, — сказала Лея.

— Хотя пока доказывают только несовместимость систем счёта.

Справа снова ударил металл. На этот раз ответил второй удар, потом третий. Не равные промежутки: два быстрых, пауза, один длинный.

Дан поднял голову.

— Это не часы.

— Сигнал тяги, — сказал Сен. — Или дыхания.

— Не называй выбор, — предупредила Эм.

Дан коснулся медной нити у воротника. После утраты воспоминания он делал это всякий раз, когда слышал знакомый ритм.

— Я знаю только, что удары передают состояние, а не момент. Как через стену.

Слова повисли между ними. Лея вспомнила пластинку в общем футляре: свидетельство о навыке, происхождение ко-

тогого Дан больше не мог подтвердить изнутри себя.

— Его утраченное воспоминание и ведомость фильтров устроены одинаково, — сказала она. — Они сохраняют связь, но не дают общей даты.

Миро повернул к ней чистую линейку.

— Продолжай.

— Мы знаем, что сестра научила Дана передавать слова через стену, потому что это засвидетельствовали семеро и записал ты. Дан знает сам навык, но не узнаёт событие. Если заставить одно совпасть с другим, мы присвоим ему чужое свидетельство. Здесь так же: городская дата отмечает тревогу снаружи. Сменная — возраст партии внутри. Они могут относиться к одному пожару, не будучи переводом друг друга.

Миро процарапал на третьей линейке две точки, не соединяя их.

— Нужен общий якорь.

— Падение давления воды, — сказала Ида. — Оно упомянуто в ведомости партии.

— И должно было быть замечено городом, — добавил Сен. — Если вода исчезла в целом квартале.

Арден медленно произнёс:

— В пожарной книге была проверка восточного водовода перед тревогой.

— В котором часу? — спросил Миро.

— Нулевая сорок семь шестого дня.

— Точное свидетельство?

— Моя память о чтении заверенной копии.

— Не сам документ.

— Не сам документ.

Миро отметил границу мелкой чертой. Затем постучал по правой линейке там, где начинался двадцать пятый час.

— Если ведомость обслуживания отмечает то же падение тяги после прекращения воды, мы получим связку событий. Не перевод дат, а порядок: приёмка задержана; производственный круг продолжен; давление упало; вентиляция изменилась; город проверил водовод; прозвучала тревога.

— А пожар? — спросила Лея.

— Мы ещё не знаем, где в этой цепи начался пожар. Только где его называли разные системы.

Левая стеклянная дверь потускнела. Печать Великого Свода на ней треснула посередине.

Зато справа пылевые следы обрели форму. По коридору шли люди в рабочих накидках, но самих людей не было — лишь пустоты в красной взвеси. Каждая несла перед грудью прямоугольный предмет.

— Носители, — сказала Лея.

Сен удержал её за локоть прежде, чем она наклонилась к порогу.

— Заражённые?

На внутренних краях прямоугольников мерцали чёрные прожилки. Такие же Лея видела на учебных образцах памя-

ти, повреждённых взаимным наложением: один след начал воспроизводить не только своё событие, но и соседние страхи, голоса, боль.

— Да. Но заражение могло произойти после записи.

— Или из-за того, что записи держали рядом, — сказал Сен.

Арден впервые сделал движение к правой двери.

— Заражённые носители квартала считались уничтоженными.

— Кем? — спросила Ида.

Он остановился.

— Комиссией.

— На основании описи или решения?

— На основании акта очистки.

— Который подтверждает уничтожение предметов или только завершение процедуры? — спросила Лея.

Арден посмотрел на неё так, будто вопрос был старым и давно запертым.

— Только завершение процедуры.

Правый проход приблизился. Теперь за порогом можно было различить первую пустую фигуру. Она прижимала носитель к груди и поворачивала голову назад, к кому-то, кто не успевал следом.

На чёрном прямоугольнике проступила надпись:

СМЕНА ПЯТАЯ. ЧАС ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ. ДО ЗАКРЫТИЯ ЗАСЛОНОВ.

Над левым проходом сохранилось:

ДЕНЬ ШЕСТОЙ. ЧАС ПЕРВЫЙ. ДО ОБЪЯВЛЕНИЯ
ПОЖАРА.

— «До» у них разное, — сказал Дан.

— И события разные, — ответил Миро. — Закрывание за-
слонок и объявление пожара. Мы сами подставляли между
ними знак равенства.

На полу появилась новая строка:

ВЫБЕРИТЕ ДАТУ ВХОДА.

Два прохода начали закрываться.

Эм натянула зелёную нить между порогами, но камень пе-
ререзал её. Оба свободных конца упали к её ногам.

— Архив требует одну, — сказала она.

— Тогда не выбираем дверь, — предложила Ида. — Раз-
мыкая требование и маршрут.

— Потеряем обе, — сказал Миро. — Здесь связь настоя-
щая: любой вход произойдёт в какой-то системе отсчёта.

Проёмы сузились ещё на ладонь.

Лея посмотрела на чистую линейку. Две точки на ней
оставались без соединения.

— Выбери не дату события. Выбери дату нашего входа.

— Она тоже должна быть одной.

— Для города — да. Для смены — тоже. Запиши обе на
одном носителе и не переводи.

Миро поднял линейку.

— Архив может счесть это отказом.

— Нет, если у дат будет общий якорь. Мы входим после того, как услышали третий удар тяги, и до того, как закрылась правая дверь. Это наше событие. Два адреса.

Рут встала слева от Миро.

— Я свидетельствую момент решения, не правильность счёта.

Эм связала два оборванных конца зелёной нити вокруг его запястья.

— Я сохраняю два маршрута до одного выбора.

Дан сказал:

— Я передам формулировку без замены терминов.

Ида положила резец плашмя между линейками.

— Я размыкаю только утверждение, что один адрес отменяет другой.

Сен коснулся плеча Миро.

— Ты называешь настоящее, а не исправляешь прошлое ценой себя.

Лея приготовила опорное стекло.

— Я сохраню шов видимым.

Все посмотрели на Ардена.

Он мог потребовать единую дату. Это было бы не прихотью, а исполнением закона, который привёл их сюда.

— Я отмечу, что запись не является частью вынесенного Свода, — сказал он. — Пока.

Миро взял пластину Дана и подложил под чистую линейку.

— Зачем её? — спросил Дан.

— Чтобы не забыть различие между сохранённой связью и присвоенной памятью.

Он произнёс громко:

— Вход команды состоялся после третьего сигнала состояния тяги. В городском счёте — после ноля сорока семи шестого дня и до первого часа. В сменном счёте — в двадцать пятом часу пятого производственного круга, до закрытия заслонок. Соответствие дат не установлено. Общий якорь — наше действие после сигнала.

Дан повторил слово в слово.

Миро положил линейку поперёк обоих порогов.

Камень сомкнулся на ней.

Лея услышала хруст и решила, что носитель сломан. Но трещина прошла не по линейке. Она разрежала стену между проходами.

Белый городской коридор и красный сменный не слились. Они остались рядом, разделённые тонким стеклом. Слева шли часы и номера домов. Справа — удары тяги и следы пустых людей. Команда могла видеть обе цепочки, не превращая одну в перевод другой.

— Маршрут с двумя адресами, — выдохнула Эм.

— Один маршрут, — поправил Миро. — Две шкалы.

Они вошли одновременно: Лея по красной стороне, Арден по белой, остальные по самому шву между ними. За последним человеком двери закрылись, но ни одна дата не по-

гасла.

Первые заражённые носители лежали за стеклом справа. Их было не меньше сотни. Чёрные прожилки соединяли прямоугольники в плотную сеть, и по ней переходил один и тот же короткий приказ:

«Не дыши».

Слева, в городской цепочке, напротив этого места висела заверенная карточка:

КВАРТАЛ ЭВАКУИРОВАН. СВИДЕТЕЛЬСТВА УНИЧТОЖЕНЫ ПОСЛЕ ОЧИСТКИ.

Лея приложила ладонь к стеклянному шву. Одна из пустых фигур на правой стороне повернулась к ней. На носителе у её груди проступил детский профиль и раскрыл рот.

Голос прозвучал не из заражённой сети, а из городской карточки.

Это был голос Леи.

Чужой голос Леи

Детский голос произнёс из заверенной карточки:

— Уберите тех, кто не совпадает.

Лея отдернула ладонь от стеклянного шва.

Фраза прозвучала спокойно, почти старательно, словно ребёнок отвечал урок. По ту сторону стекла пустая фигура прижимала к груди заражённый носитель. Чёрные прожилки на прямоугольнике вздрогнули, но приказ пришёл не оттуда. Он повторился из белой городской карточки, где значилось, что квартал эвакуирован, а свидетельства уничтожены после очистки.

— Это твой голос? — спросил Дан.

— Похож.

— Похож — не значит твой, — сказала Рут прежде, чем Архив успел принять ответ.

Белый коридор всё же стал на ладонь шире. Слова Леи уже послужили ему опорой.

Арден поднял руку.

— Никто не повторяет фразу. Дан, не передавай её. Мирот, не назначай дату. Рут, установи границы узнавания.

— А ты? — спросила Ида.

— Я ищу процедуру, к которой могла относиться запись.

— Не в памяти, — сказал Сен.

Арден выдержал его взгляд.

— В служебных признаках карточки.

Лея заставила себя снова посмотреть на белую сторону. Детский профиль исчез, но на поверхности карточки осталась светлая дуга щеки и тёмный провал рта. Это было неправильно. В городских карточках хранили текст решения и печать, а не лицо говорящего. Изображение могло проступить только через подложку — если заверенный вывод накрывал более ранний носитель.

Она вынула опорное стекло, но не приблизила к карточке.

— Здесь два слоя. Верхний — акт очистки. Под ним что-то с изображением.

— Шов? — спросила Эм.

— Пока край. Шов появится, если слои соединяли намеренно.

Лея услышала собственную профессиональную сухость и уцепилась за неё. Голос мог быть её. Профиль мог быть её. Но узнавание — это не происхождение, а страх — не печать подлинности.

Рут встала напротив неё по другую сторону узкого прохода между белой и красной цепочками.

— Что именно ты узнала?

— Высоту голоса. Манеру проглатывать «р». Так я говорила лет в восемь или девять.

— Ты помнишь, как произносила эту фразу?

— Нет.

— Помнишь эту комнату?

— Я не вижу комнаты.

— Человека, которому отвечала?

— Нет.

— Намерение удалить свидетелей?

Лея посмотрела на пустые фигуры за красным стеклом. Некоторые обернулись на звук, хотя у них не было тел. Сеть носителей повторяла безголосое «не дыши».

— Нет.

— Граница узнавания, — объявила Рут. — Лея узнаёт возрастные признаки собственного голоса. Она не узнаёт событие, собеседника и смысл действия. Запись не признана её памятью.

Белый коридор сузился до прежней ширины.

Сен проверил серое пятно на синей нити Леи. Оно началось у запястья и тянулось к коробке с непризнанными воспоминаниями, которую Архив вёл за ними по невидимому маршруту.

— Нить не посинела, — сказал он. — Значит, внутреннего узнавания не прибавилось.

— Или нить неисправна, — ответила Лея.

— Допустим. Тогда нам нужны опоры, независимые и от нити, и от твоего желания.

Арден провёл пальцем в воздухе вдоль краёв городской карточки, не касаясь её.

— Формат старой процедуры отбора, — сказал он. — До Великого Свода комиссии проверяли детей работников

квартала. Считалось, что они меньше знают о производственных спорах и точнее различают простые совпадения.

— Детей использовали как прибор? — Дан говорил тихо, но медная нить у его горла натянулась.

— Как контрольную группу.

— Это тот же ответ, только без человека внутри.

Арден не стал спорить.

Миро положил чистую линейку на границу двух цепочек.

— Когда проходили отборы?

— Несколько лет до пожара. Точной даты не помню.

— Лея могла быть нужного возраста?

— Могла.

— Это слабая опора, — сказал Миро и оставил линейку чистой.

Эм тем временем закрепила зелёную нить не на карточке, а на трёх предметах вокруг неё: печати акта, металлическом зажиме подложки и чёрной прожилке, пересекавшей стеклянный шов. Нить не натянулась к Лее.

— Архив пока не строит связь с владельцем голоса, — сказала она. — Он строит связь между процедурой и очисткой.

Ида подняла резец.

— Могу отделить верхний акт от нижней записи.

— Если слои держатся на одном заверении, — предупредила Лея, — разрез снимет печать с обоих. Мы получим изображение без происхождения и акт без доказательной це-

почки.

— Тогда не режу. Где у такой процедуры был контроль?

Арден ответил не сразу:

— Три опоры. Номер задания, голос ведущего и ответ ребёнка. Ответ не должен был содержать имён. Детям показывали группы следов и просили убрать лишний.

За стеклом снова возник детский профиль. На этот раз карточка показала больше: подбородок, косой ворот светлой рубашки и белую пластину перед лицом. На пластине лежали семь тёмных полос.

— Семь, — сказал Дан.

— Не назначай их людьми, — напомнила Рут.

Голос взрослого за кадром спросил:

— Что мешает собрать один ряд?

Детская рука коснулась двух полос, лежавших поперёк остальных.

— Эти не совпадают.

— Что нужно сделать?

— Убрать тех, кто не совпадает.

Запись оборвалась раньше, чем рука успела сдвинуть полосы.

Лея заметила это не по звуку. На последнем кадре ноготь её детского пальца раздвоился: правая половина продолжала движение, левая уже стояла. Между ними не было привычной светлой рубцовой линии. Монтаж скрыли внутри самого контура.

У неё пересохло во рту.

— Там шов.

Арден подался вперёд.

— Где?

— В пальце. Нет, не подходите.

Она положила опорное стекло на пол и воспроизвела жест в воздухе. Семь полос. Две поперёк. Палец движется к ним, запись обрывается, фразу приклеивают к следующему действию.

— Мы слышим ответ на вопрос «что нужно сделать», — сказала Лея. — Но не видим, что было сделано. И не знаем, к какому набору относился ответ.

— Голос ведущего непрерывен, — сказал Арден.

— Нет. Его дыхание продолжается, а отражение на пластине перескакивает. Кто-то сохранил звуковой мост и спрятал разрез в движении руки.

Она говорила и уже знала следующий признак. У обычного шва края изображения слегка расходились по зерну. Здесь зерно не расходилось. Оно было продолжено вручную короткими параллельными насечками — теми же, что она нашла в опорной записи пожара, теми же, что видела на детской руке в коробке непризнанных воспоминаний.

— Техника моя, — сказала Лея.

Белый коридор распахнулся так резко, что всех качнуло воздушной волной.

— Стоп, — крикнул Сен.

Ида ударила рукоятью резца по камню. Звук расколол фразу прежде, чем Архив превратил её в маршрут.

Рут подошла к Лее вплотную.

— Что именно твоё?

— Способ продолжать зерно через шов.

— Ты единственная могла им пользоваться?

— Не знаю.

— Ты помнишь, как монтировала эту запись?

— Нет.

— Тогда скажи точнее.

Лея заставила себя вдохнуть. Из чёрной сети справа пришёл ответный шорох, будто сотня людей вдохнула вместе с ней.

— Я узнаю приём, который умею выполнять и происхождение которого не помню. Этот приём применён в записи с голосом, похожим на мой. Авторство монтажа не установлено.

Белая дверь в конце городского коридора погасла, не успев стать выходом.

— Граница принята, — сказала Рут.

Сен приложил два пальца к виску Леи.

— Назови настоящее.

— Я в Архиве. Мне девятнадцать. Рядом Рут и Сен. За стеклом носители квартала. Я не помню эту процедуру.

— Ещё.

— Я хочу, чтобы голос оказался подделкой.

— Ещё.

— И боюсь, что, если он настоящий, всё остальное уже не важно.

— Вот это Архив и предлагал, — сказал Сен. — Одну причину вместо проверки.

Дан обошёл карточку по красной стороне. Стекло мешало ему приблизиться, зато сеть заражённых носителей реагировала на шаги. Когда он оказался напротив металлического зажима подложки, один из прямоугольников засветился.

На нём была не запись, а список:

ЗАДАНИЕ 4. ОТБОР ПО ПРИЗНАКУ СОВМЕСТИМОСТИ.

Ниже шли номера детей. Имена отсутствовали. Возле номера двенадцать стояла пометка: ответ сохранён после замены набора.

— Независимая опора? — спросил Дан.

— Независимая от городской карточки, — ответил Миро. — Но носитель заражён и связан общей сетью. Его содержание могло перейти от соседнего.

— Тогда ищем материальное следствие, — сказала Ида. — Что делала процедура с теми, кого называли лишними? Арден посмотрел на неё.

— Оценивала записи, не людей.

— Вопрос был о последствии.

Он подошёл к стеклянному шву. На белой стороне его лицо отражалось целиком, на красной распадалось на тёмные

жили.

— Несовместимые ответы отправляли на повторную проверку. Если ребёнок трижды выбирал один и тот же признак, признак считали устойчивым.

— А если после замены набора? — спросила Лея.

Арден прочёл пометку на заражённом носителе.

— Тогда ответ нельзя было учитывать. Замена нарушала независимость задания.

— Но его сохранили.

— Да.

Миро наконец сделал насечку на линейке.

— Нам нужна последовательность. Сначала ребёнку показали один набор. Потом набор заменили, но ответ оставили. Позже запись положили под акт очистки. Между этими действиями пока нет причины.

Эм протянула зелёную нить от пометки о замене к чёрной прожилке в зажиме. Нить задрожала и пошла не к детскому профилю, а вдоль ряда пустых фигур.

Каждая фигура держала носитель. На первом проступила буква, на втором число, на третьем отпечаток ладони. Вместе они не складывались в единый ряд. Их объединяло только то, что все отличались от пяти остальных записей в своих наборах.

— Их отбирали как несовпадающие образцы, — сказала Эм.

— Для повторной проверки, — добавил Арден.

— А потом повторную проверку назвали очисткой? — Дан указал на городскую карточку.

— Мы ещё этого не доказали.

— Зато доказали, что акт лежит поверх процедуры отбора.

Лея всматривалась в металлический зажим. Он был старше печати и новее подложки. На внутренней кромке виднелись семь крошечных зарубок. Шесть ровных, седьмая двойная.

Она показала их Иде.

— Сможешь раскрыть только зажим, не разрезая слои?

— Если он держит их механически.

— А если причинно? — спросил Сен.

Ида повернула резец плашмя.

— Тогда сперва назовём, что сохраняем. Подложку — как отдельную запись. Акт — как отдельное решение. Их соединение — как действие неизвестного составителя. Ничему не даём наследовать заверение соседа.

Рут повторила формулу и засвидетельствовала границы. Миро отметил момент. Дан передал слова без сокращений. Эм удержала две петли зелёной нити, чтобы после размыкания ни один слой не потерял адрес. Сен следил за серым пятном на руке Леи.

Ида ввела кончик резца под седьмую зарубку.

Зажим раскрылся без звука.

Городская карточка осталась висеть в воздухе. Печать на

ней сохранилась, но надпись изменилась:

ОЧИСТКА ЗАВЕРШЕНА. ОСНОВАНИЕ НЕ ПРИЛОЖЕНО.

Подложка с детским голосом отодвинулась вправо. На ней появилась собственная подпись:

УЧЕБНЫЙ ОТБОР. ЗАДАНИЕ 4. СОСТАВИТЕЛЬ НАБОРА — ЭЛЬЯ ВАРН. УЧАСТНИК 12 — ЛЕЯ ВАРН. РЕЗУЛЬТАТ АННУЛИРОВАН ПОСЛЕ ЗАМЕНЫ ОБРАЗЦОВ.

Лея прочла имя матери дважды.

Комната не вернулась в память. Ни стол, ни белая пластина, ни голос ведущего не стали её прошлым. Но на манжете детской рубашки был вышит домашний знак Варнов — три стежка и один незавершённый. Мать всегда оставляла последний стежок Лее.

Сен удержал её прежде, чем она коснулась подложки.

— Материальная опора подтверждает участие, — сказала Лея сама. — Не память. Не намерение.

— Верно.

Арден стоял неподвижно.

— Элья работала с программой отбора?

— Она калибровала носители, — сказал он. — Я не знал, что она составляла наборы.

— Ты не знал или в Своде этого нет?

— В Своде этого нет.

Белая карточка качнулась. За ней открылась ниша, запол-

ненная тонкими пластинами. На каждой было одно и то же название процедуры и разные списки образцов. В первых списках лишними назывались пятна, сбои дыхания, несовпадающие числа. В поздних — номера носителей. Затем — номера свидетельств. На последней пластине вместо слова «образец» стояло «свидетель».

— Слово меняли постепенно, — сказал Дан. — А детский ответ оставался прежним.

Миро разложил пластины по времени износа краёв.

— Учебная процедура возникла до пожара. После каждого применения объект отбора становился ближе к человеку. Но это ещё не означает, что детей просили удалять людей.

— Не просили, — сказала Лея. — Их ответы использовали как готовое оправдание. Сначала записали «убрать несовпадающие полосы». Потом скрыли замену набора. Потом положили голос под решение о свидетелях.

— Кто скрывал? — спросила Рут.

Лея снова посмотрела на раздвоенный ноготь.

— Тот, кто знал технику продолженного зерна.

— Ты?

— Возможно. Но пока у нас только совпадение приёма.

Коробка непризнанных воспоминаний ударилась о невидимую стену за спиной Леи. Крышка раскрылась. Детская рука, которую они видели раньше, снова провела вдоль светлой линии. Теперь запись продолжилась ещё на несколько секунд.

Женская рука — тонкая, с ожоговым рубцом у большого пальца — положила поверх детской ладони прозрачный лист.

— Если край заметен, они выбросят весь ответ, — сказала женщина.

Детский голос спросил:

— Даже правильную часть?

— Особенно её. Научи их видеть цельную картинку, Лея. Запись погасла.

Лея знала этот ожог. Мать получила его задолго до пожара, когда дома треснула колба для закрепителя. Это подтверждали семейная фотография, медицинская карточка и собственная память Леи. Три независимые опоры существовали снаружи Архива.

Но слов матери она не помнила.

Серая нить у запястья потемнела, не становясь синей.

— Запись предлагает происхождение техники, — сказала Рут. — Мы признаём руку Эльи по внешним опорам, но не признаём разговор памятью Леи.

— И не признаём смысл, — добавила Лея. — «Цельная картинка» могла относиться к учебному ответу, не к свидетелям пожара.

Архив не наградил её осторожность дверью. Вместо этого стеклянная перегородка между городской и сменной цепочками опустилась в пол.

Белая карточка и красные носители оказались в одном

воздухе.

Пустые фигуры обрели голоса. Они не рассказывали о пожаре. Каждая произносила причину, по которой её свидетельство признали лишним:

— Не совпадает время.

— Не совпадает цвет дыма.

— Не подтверждён адрес.

— Свидетель был ребёнком.

— Свидетель состоял в родстве.

— Свидетель покинул квартал.

— Свидетель остался в квартале.

Последние две причины прозвучали одновременно.

Дан закрыл глаза.

— Они исключали друг друга за противоположные признаки.

— Значит, отбор искал не надёжность, — сказала Эм. —

Он искал совпадение с уже выбранным рядом.

Зелёные нити потянулись от каждого носителя к городской карточке. Не к записи Леи. Не к её матери. К акту без приложенного основания.

Арден медленно снял с пояса печать хранителя выхода.

— В процедуре Великого Свода несовместимый свидетель не уничтожается. Он остаётся в Архиве до следующего пересмотра.

— Для города это и есть удаление, — ответила Ида. — Человек может умереть раньше пересмотра. Компенсацию

распределят сейчас. Имя закрепят сейчас.

— Правило создавали, чтобы подделка не получала равный вес с проверенным свидетельством.

— А здесь проверку подменили совпадением, — сказала Лея. — Не вы придумали детскую процедуру. Но Великий Свод унаследовал её жест: сначала выбрать ряд, потом называть всё поперечное лишним.

Арден сжал печать, но не поднял её.

— Это обвинение требует большего, чем один заражённый зал.

— Поэтому мы его не заверяем, — ответила Лея. — Мы берём следующий вопрос.

Эм уже видела маршрут. Зелёные нити от исключённых носителей сходились не впереди, а на людях, чьи свидетельства когда-то считались надёжными. Карта была не картой залов. Она связывала тех, кто признавал друг друга способными говорить правду, даже когда их рассказы не совпадали.

В дальней стене открылись десятки узких щелей. За каждой кто-то произносил чужое имя.

Миро убрал чистую линейку в футляр.

— У нас установлено: детский голос принадлежит Лее с высокой вероятностью по голосовым признакам и подписи процедуры. Запись не является признанной личной памятью. Ответ был аннулирован после замены набора. Позднее его смонтировали с процедурой удаления несовместимых свидетельств. Приём монтажа совпадает с техникой Леи,

происхождение которой связано с обучением Эльи Варн. Автор монтажа и намерение не установлены.

Дан повторил формулировку дословно.

Рут засвидетельствовала каждую границу.

Сен спросил Лею:

— Можешь идти?

Она посмотрела на детскую руку в коробке. Та больше не прятала шов. Прозрачный лист лежал поверх пальцев, и параллельные насечки были видны до последней.

— Могу. Но коробка идёт с нами.

— Она и так шла.

— Теперь я не буду делать вид, что не слышу её.

Лея закрыла крышку, не называя содержимое своим воспоминанием. Коробка стала легче ровно настолько, чтобы её можно было нести одной рукой.

Эм выбрала первую зелёную нить. Она вела к щели, за которой два голоса называли друг друга надёжными, хотя один видел дым белым, а другой — чёрным.

— Следующий путь строится по доверию, — сказала она.

— Не по совпадению.

Они пошли за ней. Позади городская карточка осталась без основания и без украденного детского голоса. Напротив неё сотня носителей перестала повторять «не дыши» одним хором. Теперь каждый дышал в собственном ритме.

Карта доверия

Первая зелёная нить проходила сквозь стену.

Эм не пыталась найти дверь. Она шла вдоль камня, держа нить между большим и указательным пальцами, пока та не натянулась напротив узкой щели. За щелью два голоса спорили о цвете дыма.

— Белый, — говорил один. — Он стелился по двору до тревоги.

— Чёрный, — отвечал другой. — Я видел его над сильней после закрытия заслонок.

— Вы признаёте друг друга свидетелями? — спросила Рут.

Голоса умолкли. Стена под ладонью Эм стала тёплой.

— Я признаю, что он был во дворе, — сказал первый.

— Я признаю, что она знала тягу лучше меня, — сказал второй.

Щель расширилась ровно настолько, чтобы пропустить зелёную нить, но не человека.

— Вот маршрут, — сказала Эм. — Не туда, где они согласны. Туда, где один может указать границу знания другого.

Дан постучал костяшкой по стене. За ней ответили двумя короткими ударами.

— А если они просто друзья?

— Тогда связь доверия есть, но доказательства нет.

— Архив различит?

— Нет. Мы должны различить.

Она вынула из сумки последние семь катушек. До входа в Архив зелёная нить была обычным картографическим материалом: отмечала пройденные места, расстояния и закрытые проходы. Теперь каждая катушка тянулась к человеку, которого владелец свидетельства считал способным опровергнуть его без уничтожения всего рассказа.

Эм привязала первую катушку к запястью Рут.

— Ты проверяешь, что признание добровольное и ограниченное.

Вторую дала Миро.

— Ты отделяешь «я верю ему» от «он был там в это время».

Третью — Дану.

— Передаёшь формулировки дословно.

Четвёртую — Иде.

— Размыкаешь наследование доверия. Если А доверяет Б, а Б — В, это не значит, что А доверяет В.

Пятую — Сену.

— Следишь, чтобы человек не отдавал воспоминание ради сохранения своей репутации.

Шестую — Лее.

— Ищу швы между словами и основаниями?

— И между человеком и ролью. Надёжный мастер может

быть плохим свидетелем собственного проступка.

Седьмую Эм оставила себе.

Арден посмотрел на пустые руки.

— А моя функция?

— Не закрывать маршрут, если он не складывается в один ряд.

— Это отсутствие действия.

— Для хранителя выхода — работа.

Он принял ответ без улыбки.

Эм натянула семь нитей веером. Стена перед ними стала прозрачной. За ней не было зала — только множество голосов, каждый в своей узкой шахте. Между шахтами вспыхивали зелёные перемычки. Некоторые соединяли соседей, некоторые уходили далеко вверх или вниз, а большинство обрывались у чёрных узлов.

На первом узле висела бирка:

НАДЁЖНОСТЬ: ВЫСОКАЯ. ОСНОВАНИЕ: ПЯТЬ СОВПАДЕНИЙ.

— Это старая карта комиссии, — сказал Арден.

— Карта совпадений, — поправила Эм. — Не доверия.

Она коснулась бирки. Пять зелёных перемычек мгновенно выпрямились, а все остальные потускнели. Архив предложил короткий путь через самого согласованного свидетеля.

— Не идём, — сказала Лея.

— Почему? — спросил Дан.

— Пять совпадений могут означать один общий источ-

ник. Нам уже показывали, как голос ребёнка переносили между наборами.

Миро отметил бирку, но не привязал к ней свою нить.

— Нужен свидетель, которому доверяли до того, как рассказы стали совпадать.

Они начали с двух голосов за первой щелью. Женщину звали Тара Нол, она обслуживала вытяжные колодцы во внутреннем дворе. Мужчину — Орс Лейн, он развозил воду по внешней улице. Тара видела белый дым до тревоги. Орс — чёрный после неё. Их рассказы не подтверждали друг друга, зато каждый назвал действие другого, которое можно было проверить независимо.

— Орс перекрыл западный вентиль, когда давление упало, — сказала Тара. — Я узнала по тому, как вода вернулась в малый колодец.

— Ты видела его у вентиля? — спросила Рут.

— Нет.

— Тогда ты признаёшь действие или человека?

— Действие по последствию. Человека — потому что он единственный не стал потом говорить, будто вошёл во двор.

Орс ответил:

— Тара знала, что белый дым означал охлаждение красителя, а не начало пожара. Я ей поверил, потому что она назвала проверку: мокрая известь на решётке должна была посинеть.

— Проверил? — спросил Миро.

— Нет. Решётку сняли до моего возвращения.

— Значит, доверие к компетентности есть, материальной опоры нет.

Зелёная перемычка между шахтами осталась, но стала тоньше. Рядом возникли две подписи: действие подтверждается последствием и объяснение не проверено.

Эм кивнула.

— Архив умеет хранить границы, если мы их называем.

Из шахты Тары потянулась новая нить. Она вела к свидетелю, который отвергал её объяснение белого дыма, но подтверждал состояние извести. Из шахты Оrsa — к женщине, обвинявшей его в позднем перекрытии вентиля, но признававшей, что он первым вызвал водовозов.

— Они доверяют тем, кто им противоречит, — сказал Дан.

— Нет, — ответила Эм. — Они доверяют отдельным способностям: видеть, измерять, помнить маршрут, признавать ошибку. Человек не получает печать целиком.

Слово «целиком» отозвалось под ногами. Камень раскрылся сеткой квадратов. На каждом стояло имя. Если команда наступала на имя свидетеля, все связанные с ним нити натягивались и поднимали следующий квадрат. Путь можно было построить только через людей.

— По одному? — спросил Сен.

— По связям, — сказала Эм. — Но сначала проверяем опоры.

Первый квадрат принадлежал Таре. Лея шагнула на него и увидела её запись: двор, белый пар у решёток, кашель, чьи-то руки на вентиле. По краю изображения шли следы многократного копирования, но скрытого монтажа не было.

— Цельная копия с потерей цвета по краям, — сказала Лея. — Не доказывает значение дыма.

Миро сопоставил сменную отметку на стене с третьим сигналом тяги.

— До закрытия заслонок. Городская дата не установлена.

Рут выслушала Тару отдельно от Орса. Дан повторил её слова без уточнения. Ида оставила разомкнутыми личность человека у вентиля и само действие. Сен спросил, готова ли Тара сохранить запись, если Орс окажется виновен в задержке.

— Да, — ответила она. — Я видела дым, а не его вину.

Квадрат поднялся.

Следующим был Орс. Его запись начиналась на внешней улице. Чёрный дым действительно появился после тревоги, но в дальнем окне уже горел янтарный свет. Лея нашла на отражении водовоза склейку.

— Здесь вырезан промежуток.

— Я остановил запись, когда помогал женщине, — сказал Орс.

— Почему?

— Она просила не сохранять лицо.

Сен спросил:

— Ты помнишь просьбу или видишь причину по шву?

— Помню просьбу. Не помню её лица.

Рут не приняла вторую часть автоматически. После нескольких вопросов выяснилось: Орс сам размыл лицо при копировании и с годами перестал различать, что утратилось в памяти, а что — только в записи.

— Добровольная защита частной жизни, — сказала Лея.

— Но шов скрывает время помощи. Нельзя использовать записи для точной последовательности.

— Оставляем его в маршруте? — спросил Дан.

Эм посмотрела на квадрат. Если убрать Орс, путь к трём водовозам и журналу западного вентиля исчезал. Если принять его целиком, Архив наследовал бы доверие Тары ко всем его словам.

— Оставляем человека, ограничиваем утверждение. Он адрес, не печать.

Ида провела резцом между именем Орс и словом надёжный, появившимся на камне. Слово раскололось, а квадрат поднялся выше.

Команда пошла по сети.

Каждый шаг требовал работы. Свидетельница Сава точно помнила запах закрепителя, но ошибалась в расположении окна. Мальчик Фин слышал приказ «не дыши», однако повторял его со слов старшего брата; сам он был в подвале и слышал только удары по трубе. Мастер Крол скрывал, что покинул пост, зато оставленный им инструмент подтвер-

ждал, что заслонку пытались открыть изнутри. Женщина без имени отказалась назвать родственника, но указала номер больничной койки, где сохранился анализ заражённого носителя.

Карта росла не как линия, а как кружево. Там, где два человека соглашались по всем пунктам, нити часто сходились к одному протоколу и становились бледными. Там, где они спорили, но могли назвать проверяемые пределы чужой компетентности, связь зеленела.

Лея начала различать на карте знакомый рисунок: не гладкую поверхность официального Свода, а видимый шов, только увеличенный до города. Связи держались не потому, что края совпадали. Они держались потому, что каждый край оставался различим.

На шестом квадрате их ждал чёрный узел.

Имя было стёрто. От него отходило одиннадцать зелёных нитей, больше, чем от любого другого свидетеля. Все одиннадцать людей называли неизвестного надёжным. Ни один не говорил, что именно тот видел.

— Так не бывает, — сказала Рут. — Доверие без границы превращается в поклонение или страх.

Арден присел у узла.

— В материалах комиссии были защищённые свидетели. Имена удаляли, чтобы исключить месть.

— Должность? — спросила Эм.

— Иногда сохраняли.

— Здесь нет.

Дан передал вопрос в первую шахту:

— Что вы признаёте за этим человеком?

Ответ пришёл сразу:

— Он собрал наши показания.

Вторая шахта сказала:

— Она объяснила, какие части можно подтвердить.

Третья:

— Он обещал, что несовпадения не станут обвинением.

Четвёртая:

— Она знала язык красилен.

Голоса меняли род. Архив не скрывал одного человека — он объединил нескольких под одной пустой фигурой.

Лея провела опорным стеклом над узлом. На стёртом месте проступили параллельные насечки продолженного зерна.

— Это монтаж. Одиннадцать отношений доверия перенесли на составного свидетеля.

Белый проход возник мгновенно. Над ним загорелось:
**КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИСТОЧНИК ПОДТВЕРЖДЁН
ОДИННАДЦАТЬЮ ЛИЦАМИ.**

— Вот как карта доверия стала картой репутации, — сказала Эм. — Разные люди доверяли разным сборщикам, а комиссия сложила доверие вместе. Получился источник, которому будто бы верили все.

Арден поднял печать хранителя, но не коснулся прохода.

— Коллективные источники разрешены, если участники

выполняют одну функцию.

— Они выполняли разные, — ответил Дан. — Один собирал слова, другая переводила язык красилена, третий обещал защиту.

— Значит, запись составлена с нарушением.

Он произнёс это без оговорки. Белый проход сузился.

Ида положила резец в центр чёрного узла.

— Если разомкнуть составную фигуру, одиннадцать нитей могут потерять адрес.

— Сначала создадим адреса, — сказала Эм.

Она попросила каждого свидетеля назвать не имя, а действие человека, которому тот доверился. Дан передавал ответы. Миро отделял время первоначального свидетельства от времени комиссии. Рут следила, чтобы люди не дополняли прошлое позднейшими знаниями. Лея искала индивидуальные следы монтажа: нажим пера, ритм дыхания, терминологию, форму защитных отметок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.